

A detailed illustration of a medieval battle scene. In the foreground, a knight in chainmail and a red surcoat is seen from behind, holding a large wooden shield and a sword. To his left, another knight in a silver helmet aims a crossbow. In the background, several other knights in various armor and shields are engaged in combat near a body of water under a large tree.

Евгений
Андрей

КРАСНИЦКИЙ
ПОСНЯКОВ

СОТНИК

Не властью единой

**Андрей Анатольевич Посняков
Евгений Сергеевич Красницкий
Сотник. Не властью единой
Серия «Отрок»
Серия «Сотник», книга 7**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68329448

*Сотник. Не властью единой: АСТ, Издательский дом «Ленинград»;
Москва; 2022
ISBN 978-5-17-152000-7*

Аннотация

После возвращения из Царьграда Михайлу-сотника ожидает новая напасть: по ложному доносу его подозревают в предательстве интересов Мстислава Владимировича, главного князя Руси. Через турово-пинского князя Мише настойчиво предлагают срочно явиться в Киев для объяснений.

Однако Михайла получает сведения о том, что до Киева его не довезут – убьют куда раньше. И что против его самого и его людей готовится военная провокация с последующим захватом всего Погорынья.

Ехать нельзя, и не ехать тоже нельзя.

Сотник принимает решение ехать и... не доехать. Он намерен тайно вернуться, найти и обезвредить врагов, обезопасить свою землю и восстановить свое доброе имя.

Однако враги изворотливы и хитры. Их множество, и за ними – какая-то тайная сила...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Евгений Красницкий,
Андрей Посняков**

Сотник. Не властью единой

© Евгений Красницкий, 2022

© Андрей Посняков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЦИКЛ Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом
Ближний круг
Женское оружие
Стезя и место
Бабы строим не воюют
Богам – божье, людям – людское

СОТНИК

Беру все на себя
Уроки Великой Волхвы
Так не строят!
Позиционные игры
Не по чину
Кузнечик
В ответе за всех
Не властью единой

Глава 1

Ратное, шоль 1128 г.

На заливном лугу у Горыни-реки лениво паслись коровы. Черные, с белыми пятнами, пегие, рыжие – разные. У каждой на шее колокольчик – ботало. Вроде бы все боталы оди-

наковы, в одной кузне у дядьки Лавра деланы, однако – поразному звучат. Хозяйки их на слух различают: под вечер ведут пастухи стадо, мычат коровушки, колокольчики звенят – и каждая хозяйка буренку свою отличает по звуку, выбегает – встречать. У кого две коровки, у кого – дюжина, у иных богатеев и полсорока – целое стадо! А есть и такие, у кого только одна. Бедолаги, чего уж. И все же недаром сказано: коровушка богатств не прибавит, но и с голоду помереть не даст. Молоко, творог, сметанка... А если кроме коровы еще и куры, и утки есть, да еще жито-хлебушек ежели уродится – то и совсем милое дело!

– Да, жито – это славно, – щурясь от яркого солнышка, лениво потянулся тощий белоголовый парнишка – пастушок. Звали его Белян, а напарника – Хвалом. Только Хвал на волос темненьким был, и не тощим, а этак вот, в теле, по малому детству даже жирнягой кликали, и детство то недалече осталось, обоим пастушкам едва минуло по десяти лет. Для серьезных дел еще маловаты, а вот стадо пасти – самый раз. Не то, конечно, стадо, что на ближних лугах – те коровенки людей нарочитых, лучших – тех взрослые пастухи пасут, знающие да умелые... А вот это вот, на дальнем лужку, – это уж с бору по сосенке собрано беднотой, и не за деньги пастушата трудятся – за еду. И то – славно!

– Да уж, не худо, что хлебушек уродился, – погладив желтую, с подпалинами, собаку, важно согласился Хвал. – А ведь, помнишь, по осени-то не хотели сажать? Тетка Брячи-

слава громче всех верещала: что за озимые такие, я сама хозяйка – что хочу, то и сажаю. А уж по осени-то – ни в жисть! Ты почто ржешь-то?

– Да так... Больно здорово ты тетку Брючиславу изображаешь! Похоже, ага...

Посмеявшись, Белян тоже погладил собаку:

– Горой, Гороюшка... хороши-ий... у-у-у...

Не молод уж был пес, прямо сказать – старенький. Да где ж бедным-то пастушатам хорошую-то собаку взять?

– А теперича – эвон! – ухмыльнулся Хвал. – Кто эти самые озимые посадил, как Михайло-боярич советовал, тот уже и с хлебушком! А остальные лебеду жрут. Как тетка Брючислава.

– Не-е, – Белян шмыгнул носом. – Тетка Брючислава лебеду жрать не станет. Есть у нее припасы-то. Да телку стельную недавно купила... Двух!

– Так второй-то – нетель!

– Все равно. Не с молоком, так с мясом, ага... – искося глянув на стадо – всего-то коровенок с дюжину, – Белян сглотнул слюну. – А вот, друже, хорошо бы нам в Михайлов городок, а? К бояричу в младшую стражу. Уж мы бы тогда...

– Рановато еще, – махнул рукой Хвал. – Малы, скажут. Да и хозяин отпустит ли?

– Меня тоже навряд ли...

– От, то-то и оно! Кому воевати, а кому вона – коровенок пасти.

– Ну, тоже дело. Зато не голодаем!

Таких вот отроков, как Хвал с Беляном, хватало в Ратном да и по всему Погорынью после знаменитого мора, случившегося не так и давно. Иные семьи полностью вымерли, да что там семьи – целые селения, та же Нинеина весь, от которой и людишек-то осталось – раз-два и обчелся. Это если саму колдунью Нинею считать и Красаву, девчонку-волхвицу. Приблуды – так вот таких, как Хвал-Белян, – обзывали. Своей семьи нет – померли все, – вот к дальней родне и прибились, а уж у тех-то не забалуешь – горбатиться будешь от зари до зари.

– Говорят, в землях Журавля-боярина тоже по осени озимые сеять собрались, – задумчиво промолвил Белян. – Слышь, Хвале! А мы с ними друзья или нет?

– Да пес их знает, – Хвал пожал плечами. – Боярин у них сгинул, кто там посейчас за главного – бог весть. Да они и сами не ведают – кто им друг, а кто враг. Лешаки еще эти... Подползут – не увидишь, вот уж умеют ховаться. Слыхал, Ждан из младшей стражи сказывал – мол, от лешаков этих всего ждать можно. Одни старосте своему служат, а иные – бог знает кому...

Подул легкий ветерок, от реки потянуло прохладой.

До того кротко дремавший пес вдруг встрепенулся, потянул носом воздух. Не залаял, правда, но – забеспокоился.

– Эй, Горойко! Ты что? Унюхал чего?

– Да, верно, дичь в камышах почуял! Тю, тю, Горой... Эх, и жарит, – Белян вытер со лба пот. – Может, купнемся?

– На стремнине-то? Так в омут живо затянет. Да и Вирея, деда Коряги телка – та еще! Сам знаешь – не доглядишь, живо к болоту сбежит, там и сгинет. Кого потом плетьми? Нас! С Коряги станется. Да и – единственная коровеха, да...

– Трусоват ты, Хвале! Ну, как хочешь, а я побегу...

Отрок живо стянул с себя рубаху...

И тут вновь вскинулся пес! На этот раз залаял, ощерился да с грозным рыком ринулся к речке – видать, и впрямь почуял кого-то чужого...

– Горой! Горой-ко!

Переглянувшись, ребята пустились следом. Первым – Белян, напарничек же его поотстал, замешкался... да и не больно-то любил бегать.

Обогнув заросли малины, мальчик выскочил почти к самой реке, как вдруг... Словно бы сама земля вздыбилась! Впереди, в десятке шагов поднялся, вскинулся, не хуже Гороя, травяной ком! И руки у него оказались, и ноги, и голова... И все это в траве, в ромашках и в васильках даже!

Хоп! Что-то прошелестело – Горой, словно нарвался на какую-то невидимую преграду, вдруг заскулил и упал на передние лапы, а затем и вообще повалился на бок... Неведомое травяное чудовище тут же затянуло на шее собаки аркан!

Вот тут-то Белян все и понял. Обернулся, закричал:

– Лешак! Хвале, бежи-им!

Резко повернув, отрок бросился к малиннику, от него же сразу к реке. Хвал же побежал – уж как мог – к болотине, уж пастушки-то ведали там тайные тропы! Куда там лешакам. Лишь бы добежать...

Не глядя по сторонам, Белян с разбега бросился в воду, поплыл... Знал – там, на той стороне, – сенокосы, полно людей, да и стража... Там – свои. Там и...

Лешак между тем тоже спустился к реке. Кажется, не особо и поспешал – но вышло так, что добрался быстро. В воду не нырнул, как Белян, с брызгами, а словно бы стек, тихо и незаметно. Нырнул и... так и не вынырнул! Во всяком случае, отрок, обернувшись, никого не увидел.

Значит – лешак за Хвалом погнался! Эх, Хвале, Хвале...

Только так подумал Белян, как вдруг кто-то схватил его за ноги! Схватил, потащил вниз неумолимо и быстро. Мальчишка и вскрикнуть не успел. Вот только что был, плыл – и нет его...

Выбравшись из воды, лешак тут же зашагал к болоту. Тоже вот так, вроде бы и не бегом – а быстро! К одежке его – к рубахе, штанам, к круглой суконной шапке, похожей на нурманский шлем, – были пришиты зеленые и бурые ленточки, в шапку же вставлены трава да цветки разные. Так вот спрячется на лугу – в двух шагах не увидишь. Одно слово – лешак.

Хвал уже подходил к твердому берегу, уже и совсем

немного осталось. Выдохнув, паренек обернулся – уж теперь-то никто чужой не догонит. Обернулся... Какое-то чудище – леший? – махнуло рукой...

Что-то блеснуло... и острое стальное лезвие пронзило грудь, разрубив сердце... Нелепо взмахнув руками, Хвал рухнул в трясину...

Проследив за ним взглядом, лешак вернулся к стаду. Подобрав валявшийся под кустами кнут, щелкнул, погнал коровенок к болоту. Тягучая глубокая топь, с виду же – зелененькая такая лужайка, и трава там, верно, сочная-сочная, вкусная-вкусная... Коровенки-то туда, почитай, сами и пошли...

Про собаку убитую тоже не забыл лешак – подхватил, бросил в болото... Где уже бились, стараясь выбраться, захваченные гиблой трясинной буренки! Бились и жалобно мычали.

На покосе нынче былолюдно. Не так, конечно, как до лихоманки, до мора, бывало, но все же... Середина лета выдалась жаркой, но с дождиками – трава вымахала по пояс, коси – не хочу! Вот и косили, заготавливали сено на зиму, на две общины. Все молодежь. С одной деревни парни и девушки, и с другой. Любили молодые покосы, там и работа, там и любовь складывалась – пару себе подбирали. Потому и наряжались на покос соответственно – просто, но нарядно, никто не хотел замарашкой-неряхой выглядеть!

С утра на покосе – вся молодежь! Кто косит, кто граблями сено ворошит, кто стога мечет – всем дело есть. С чужими-то девками работать весело! Чай, не свои – сестры да прочие близкие родичи. Тут каждый покрасоваться рад! Тут и песни, и шутки, и смех... А потом можно и выкупаться сбегать... С девками-то чужими на речку... Ночевать в шалашах... А уж по осени засылать и сватов!

– А ну, раззудись! Щас метну... Ловите!

– Ох, и ловок ты, паря!

– Так а вы думали! Мы, Ратные, – парни хваткие. Вот как тебя посейчас схвачу, голубица!

– Ой, схвати, схвати! Поймай сначала.

– А вот и поймаю! Догоню!

Невдалеке, у рябиновой рощицы, звонко ударил подвешенный к ветке колоколец. Однако обед! Обедали всяк порозному. На иных покосах – каждый со своей едой приходил, здесь же – нанимали повара, верней сказать – повариху. Все продукты – ей, ну и рыбки ежели кто вечером наловит...

– Обед у них! – услышав донесшийся звон, улыбнулся стражник. Несмотря на жару – в короткой серебристой кольчужнице, с самострелом, с мечом, еще и короткое копье – рогатина к березе прислонена. Листовидный наконечник, толстое древко из ясеня – такое копье и метать можно, и медведя брать.

Правда, судя по стражнику, на медведя ему еще рановато было – слишком уж юн, безусый и по виду – шалопай! Вес-

нушки, рыжие непокорные вихры – шлем с подшлемником валялся рядом, в траве, – щербатая улыбка – одного из передних зубов у парнишки-то не хватало, видать, в драке выбили... Хотя не-ет... не в драке, напарник – стражей-то было двое – это прекрасно знал. Тоже – тот еще напарничек, пожалуй, даже помладше рыжего. Такой же тощий, волосы – как солома, к тому ж суетлив безмерно, словно в детстве ежа проглотил. Вот и сейчас без нужды суетился – то снимет шлем, то наденет, то погладит арбалет, потом вдруг спохватится – пощупает мешочек с болтами-стрелами – на месте ли?

– Хорошо сейчас на покосе, а, Велька?

– Не Велька, а урядник Велимудр, – важно отозвался рыжий.

– Так я и говорю ж!

– Нет! Ты, Глузд, не так все говоришь, а с подвохом.

– Я? С подвохом? – Глузд суетливо замахал руками: – Да ни в жисть!

– Вот зачем, скажи, нас с тобой в один караул поставили? – рыжий Велимудр-Велька важно надул губы.

– Так то десятник...

– Верно, десятник, – Велимудр сделался еще важнее, по крайней мере – в собственных глазах, синих, как лесное озеро. – А почему? Чтоб я на тебя влиял! Это Михайлы-боярича придумка!

– Сотника? – хлопнул глазами Глузд. – Слышь, Вель...

Велимудр... А правда вы с бояричем в Царьграде много по-
воевали?

– Было дело, – рыжий пригладил вихры. – Так ведь не я один. И Ермил, дружок мой, там был, и много кто из наших еще. Даже сестрица моя беспутная – Горька.

– Та, что тебе – зуб?

– Она-а... Замужем теперь, за гостем торговым из Ладogi.

– Ладога? А где это? Там же, где и Царьград?

– Ну... маленько в другую сторону.

– А Царьград красивый, большой? – не отставал Глузд.

А Велька и рад – ишь, как слушает!

– Большой – да. Как десять Туровов. А насчет красоты, тут уж – кому как. Мне так на приволье лучше. Эвон, глянь-ко кругом – река, озера, лес, луга вон, поля, покосы... Красота и есть! А в Царьграде – одни камни.

– Что значит одни камни?

– Дома все из камня, стены, улицы – тож.

– И улицы даже? Ну, дела-а!

– Та-ак! – водрузив на голову шлем, вдруг спохватился Велька. – Ты что это на посту болтаешь, унот Глузд? Устав гарнизонной и караульной службы забыл? Часовому запрещается... А ну, как дальше?

– Э-э-э...

Вообще-то, унот Глузд был парнишка умный... правда, ленился иногда, особенно в тех делах, которые требуют внимания и усидчивости.

– Вот! – хмыкнув, юный урядник Велимудр наставительно поднял вверх большой палец... да так и замер, увидев вдалеке какую-то дымку.

Пост младшей стражи, где сейчас несли службу ребята, располагался на поросшей редколесьем круче, спускавшейся к самой реке, и таким уж дальним не считался. Впрочем, как и ближним тоже. Участок считался спокойным, граничил с землями боярина Журавля. Боярин хоть и сгинул, однако отношения с тамошней властью оставались вполне добрососедскими, и пакостей от «журавлей» никто в Ратном не ждал...

– Вон-вон, смотри! – урядник показал рукою. – Костер, что ли, на покосе жгут? Во дурачины-то! Вот что, друже Глузд, а сбегай-ка...

– Не, на костер не похоже, – невежливо перебил унот. – Вон, дыму-то уже... Может, поджог?

– Да кому там поджигать... Хотя... Оставайся здесь, а я сам смоताюсь, гляну.

Оставив рогатину и щит, Велька перекинул за спину арбалет и опрометью помчался к покосу. Про шлем, конечно, забыл, только кудри рыжие колыхались.

Бежать было недолго, урядник и устать не успел... А пламя-то уже та-ак разгорелось! Казалось, все поле горит, весь луг, весь покос!

Косари уже спохватились, а как же! Тушили вовсю – тас-

кали шапками воду, пытались сбить пламя одеждою... Да что уж там было спасать! Недаром пословица – горит, как сухая солома. Вот и горело...

– Пожню, пожню поливайте! – подбежав, распорядился Велька. – Эх, что ж у вас тут...

Провозившись с полчаса, пожар все же потушили. Сгорела пара стогов да разложенное для просушки сено...

– Похоже, отсюда и вспыхнуло, – Велимудр задумчиво склонился над гарью. – Вон, как выгорело-то, ага. Тут и полыхнуло. А потом пламя к стогам побежало... Не спохватились бы вовремя – сгорело бы все!

– Так оно и так – немало, – из собравшейся на пожар толпы молодежи вперед вышла худощавая девушка, светлоглазая, волосы цвета солнца и ржи заплетены в тугую косу.

– Звеня, ты? – узнав, обрадовался Велимудр. – То-то я и смотрю – знакомая.

Еще б не знакомая. Звеня, Звенислава (Елена в крещении) была одной из тех похищенных девушек, за которыми как раз и хаживали в Царьград ратнинский сотник Михайла Лисовин и его люди, в том числе и Велимудр-Велька. Выручили тогда дев, не всех, правда. И некоторых своих потеряли.

Звенислава тогда показала себя девушкой смелой и мудрой, именно она оставляла на всем пути условные знаки – то височное кольцо на ладейной стоянке, то надпись «Ратное». Умная – что уж тут скажешь, да. Из небогатой семьи... да-

же лучше сказать – из бедной. Смерды. Батюшка в лихоманку помер, «большаком» и остался один старый Коряга, дед – сто лет в обед, хозяйствовать в таком вот семействе особо некому, хорошо хоть община поддерживала, а так бы... Смерды-то смерды, но из тех смердов, которым до обельных холопов – один маленький шаг!¹

Хотя при такой-то жизни и в холопы пойдешь! Вон, Звениславу взять – лет пятнадцать уже, а замуж никто не зовет, хотя парни-то хороводятся. Девка-то красивая... однако – бедная, из тех, кто голь-шмоль и без приданого никому не нужна! Разве что так... полюбится... Не так давно, на Ивана Купалу, так многие парни с ней... Правда, до чего уж там дело дошло – неизвестно. Однако если б до чего и дошло, так парни бы и не выдержали, расхвастались бы уже, развели... Тьфу, хуже баб!

– Ты что плюешься-то, Веля?

– Так... Думаю, отчего загорелось-то? Может, костры жгли?

– Костры жгли, да, – тут подошли и парни. – Ночью. Однако все потушили – понимаем, не дурни! Да и на стерне-то не жгли, на бережку...

– На бережку! – передразнил урядник. – Угольки-то, видно, остались, шаяли. А утром ветерок раздул – вот и...

– Тихо! – Звенислава вдруг насторожилась, прислуша-

---

¹ По «Русской правде» *смерды* – крестьяне, лично свободные, но зависимые от князя. *Обельный холоп* – полная зависимость от хозяина, по сути – рабство.

лась, а следом за ней – и все. – Что это, слышите?

– Будто стонет кто...

– Да нет же! Это ж коровки наши мычат... Да громко как, жалобно! Что, не слышите, что ль? Оглохли?

– Да, – согласно кивнула некрасивая мосластая девица с вытянутым плоским лицом. – Там наш выпас.

– Бежим! – ахнула Звеня. – Вдруг да там что?

Она и побежала, не дождалась ответа. Рванула так, что попробуй угонись – только коса по спине билась! Ну и с полдюжины человек тут же сорвались за ней. Верно, те, у кого коровки...

Подумав, Велька почесал голову и, махнув рукой, победил следом. Сказать по правде, Звенька ему глянулась. Вот только с приданным как быть? Сам голь-шмоль, и невеста такая же будет. Да и не отдаст ее дед Коряга. Скорее, продаст какому-нибудь богатому купцу – в холопки, или отдаст в закупы... Эх, Звенька-Звенька! Предлагал тебе Михайла-сотник – в школу девичью, к мудрым наставницам в Михайлов городок. Глядишь, что бы и вышло. Не согласилась! Горда больно. Да и семейство-то кому кормить – деду? А там – мал-мала... Хорошо, коровенка...

Бежали напрямки – через излучину, через реку. Звенислава, не раздеваясь, так с разбегу в реку и бросилась, переплыла, дальше побежала – мокрая. Остальные – такие же... Хозяева коровенок... стада...

Велька по пути замешкался – покуда кольчугу снимал, – когда подбежал к болотине, уже все в голос выли, утонувших своих коровушек поминали!

– Ой, Белка, Бедушка-а-а...

– Буренушка...

– Рогатинка моя... Да как же мы теперь без тебя будем?

– Виреюшка-а-а-а...

От всего стада осталось три коровенки. Точно – не Звениславы, та убивалась в голос...

– А ну, цыц! – громко приказал Велимудр. – Говорю, прекратили выть, живо! Надо тут все осмотреть...

Важно говорил отрок, да и держал себя соответствующе – деловито и строго. Нынче он был не просто рыжий Велька, а урядник младшей стражи Велимудр – полномочный представитель власти! Именно таким мудреным словом объяснял господин сотник. И еще говорил умное – «делегирование полномочий». Велька запомнил – умней не скажешь!

– Ты почто тут разорался-то, а? – неожиданно наехала на рыжего та самая мосластая девка с вытянутым лицом. – По какому такому праву?

– По праву доверенной мне власти! – отрок грозно сверкнул очами. – Вы меня тут многие знаете... Но сейчас с вами говорит урядник Велимудр! Так, как если бы это был сам сотник... и воевода! Приказываю... все здесь внимательно осмотреть. Внимание обращать на каждую мелочь... Да, пас-

тухи где? Они хоть были или тут у вас так, на вольном выпасе?

Рыжий окинул всех таким взглядом, что даже плосколицая дева стушеввалась, за паренька какого-то спряталась.

– Были у нас пастухи, Вель, – несколько придя в себя, перестала рыдать Звенислава. – Отроков двое, небыльшенишек. Хвал с Беляном. И собака с ними – Горой.

– Ой, тот еще псинище! – невесело хохотнула плосколицая. – Он, Звеня, еще и постарше твоего деда будет, ага.

– Так, где они все? – спокойно осведомился урядник. – Пастухи эти где? Собака?

– Так, верно, испугались, что за стадом не уследили. И – в бега! – вслух предположила Звенислава.

– Ну да, так и есть, – плосколицая высунулась и закивала. – Хвал – он тот еще соня. Задремали, вот коровки-то к болотине и ушли. А с Гороя какой толк?

– Так что же они его, с собой забрали? Горой, Горой! Эй!

Велимудр громко позвал собаку и, не услышав лая, махнул рукой:

– Вижу, не дозовешься. Ладно, приступаем к осмотру. В одну шеренгу... становись!

– Куда становись? – захлопала глазами Звеня.

– Ах, – урядник отмахнулся и смилостивился. – Забыл, вы ж не из стражи. А то бы знали! В линию вот так выстройтесь... ага... Теперь вот что. Идем от болота к пастбищу. Внимательно все смотрим. Увидите что – немедленно докла-

дайте мне. Ясно?

– Угу...

– Не угу, а – так точно! Вперед.

Выстроив пять девчонок и двух парней цепью, урядник и сам встал на левом фланге, буравя взглядом траву и кустарники. Какое-то время все сосредоточенно сопели, неспешно продвигаясь к пастбищу... а уже от него пошли к речке... И вот тут-то уже и обнаружили кое-что.

– Ой, рубаха! – Звенислава подняла серенькую сермяжку. – Это точно – пастушонка.

– Беяна это сермяжица, – глянув на рубаху, подтвердила плосколицая... звали ее, кстати, Добровая, или попросту – Войка.

Умная, кстати, дева – Велимудр для себя отметил. Умная и упорная. Не очень-то красивая, правда, судя по лицу – явно в родне степняки были.

– Как раз на него рубаха-то... на Беяна. На Хвала не налезет, мала.

– Хорошо, – задумчиво покивал рыжий. – И зачем он ее снял? А не на речку ли побежал? Искупаться. Жара-то... А ну, пошли, глянем...

Войдя по колено в воду, урядник остановился – задумался. Ребята тоже встали – ждали, чегой-то надумает?

– А течение-то здесь ого-го! – поцокав языком, Велимудр потрогал воду рукою. – И водица – не парное молоко. Вполне могло ноги свести. Там у нас что – излучина? Вот и по-

глядим. Может, чего и вынесло?

Мертвое тело пастушонка обнаружила Войка. Ойкнула, закрестилась, позвала остальных.

Выброшенный течением труп застрял меж камнями. Из одежды – одни порты...

– Ну, да – его рубаха...

Мертвеца быстро осмотрели, но ничего подозрительно-го не обнаружили. Ни ран, никаких видимых повреждений, только что лицо – одутловато-синюшное. Ну, так и понятно же – захлебнулся. Ногу свело да затянуло стремниною в омуток.

– Воя... Он как, хорошо плавал?

– Да не знаю я. Не приглядывалась. Верно, как все.

– А вы что скажете?

Ребята – и парни, и девушки – дружно пожали плечами.

– Как он плавал и как жил, надо деревенскую мелкоту спросить, – покусав губы, Звенислава высказала очень здравую мысль. Так ведь правда и есть – кому из подростков есть дело до десятилетних? До всякой этой мелочи-скелочи... Никому. Неинтересно просто. – Обязательно спросим! – покивал Велимудр. – Молодец, Звеня. Ну, что? Обратно к болоту пойдем? Еще разок все посмотрим.

Если и побывали тут чужаки, то... Искать следы на мятой траве, после того как там прошло стадо... Ну-ну! Много отыщете.

– Ой, ромашка... – наклонившись, Звенислава подобрала сорванный кем-то цветок. Несколько лепестков оказалось оторвано, верно, пастушки гадали. На суженую? Бог весть... Вряд ли – возраст уж больно юн. Хотя... Самой погадать, что ли? Было бы, на кого...

– Там вон малинник примят, – обратила внимание Добровая. – Верно, бежал кто-то...

– Так Белян и бежал. К речке.

– А зачем ему малинник мять? Ягод поесть захотелось? Хм... ну, может, и так...

Девушка сорвала с куста блекло-красную ягоду, пожевала и выплюнула:

– Тьфу! Недозрелая...

Так же вот, шеренгой, зашагали дальше к болоту.

– Какая-то телка могла туда забрести, – вслух предположил рыжий. – Пастушонок... как его?

– Хвал.

– Да, Хвал... Хвал заметил – побежал... да и сгинул в трясине! Пока второй купался... на голову свою.

Покачав головой, Звенька сверкнула глазами:

– Ой-ой-ой! Не больно ли подозрительно? Оба пастушка – и сгинули. Один в реке, другой – в трясине. Собака еще куда-то пропала...

– Так, может, и собака – в трясине? – снова предположил Велимудр.

Войка скептически скривилась:

– Ага! Как же! Так собака в трясину-то и пойдет! Разве что – за кем-то...

– Так за коровой же! Ну, или за Хвалом.

– И все ж подозрительно, чтоб собака...

* * *

Вечером, после караула, оба часовых – урядник Велимудр и унот Глузд – докладывали обо всем господину сотнику. Вернее, говорил-то один Велька, его напарнику по данному вопросу сказать было нечего.

– Ладно, Глузд, ступай. А ты, Вель, останься. С тобой мы еще договорим. Да ты садись, не стой уже.

Ратнинский сотник Михайла-боярич заслушивал часового у себя в замке, в Михайловом городке, где все было сделано так, как сотник того хотел, чтоб было красиво, удобно и вместе с тем величественно.

Задумал все Миша, а воплотил в жизнь – старшина плотницкой артели Кондратий Епифанович по прозвищу Сучок, мастер от Бога, вместе с помощником, родным своим племянником Питиримом (в просторечии – Пимкой, или просто – Швырком). Они вот с артельщиками-плотниками и выстроили здания для управления в Михайловом городке, а по сути – на выселках, в воинском лагере младшей стражи. Собственно, так выселки и прозвали, еще в те, не столь уж и далекие времена, когда парень не был сотником, однако уже

имел невиданный для подростка авторитет. Нынче же, с Мишиной подачи, считалось, что «сей малый городок назван в честь тезоименитства духовного пастыря нашего иеромонаха Михаила, в успении вошедшего в сонм праведников, стоящих пред Горним Престолом».

«Хоромы» вышли ничуть не хуже боярских, а может, даже и княжеских. Строили хорошо, с размахом, чтобы можно было совет созвать, пир устроить, да еще было где писарей посадить, и казну держать, и с возвышенного места приказы объявлять. С высокого, почти что княжеского, крыльца. Так и задумано было – на крыльце сразу видно бывает, кто из бояр к князю ближе, а кто дальше. Когда князь по каким-то торжественным случаям на крыльце восседает, то бояре на ступенях стоят – ближние повыше, остальные пониже.

В сенях устроили большие окна, не только для света, но и для воздуха, иначе на пиру так надышат, что в волоковые окошки этакий дух не пролезет! На ночь и в непогоду окна закрывались ставнями. В сенях располагалась «прихожая», а следом – горница сотника, так сказать – рабочее место для всяких «бюрократных дел», с коими Михайла управлялся не один, а с целым «взводом» писцов во главе со старшим – Ильей, дальним своим родственником.

Все кругом блестело чистотой и казенным комфортом: выскобленный до белизны пол, покрытый четырехугольным светло-серым войлоком с красными узорами. Бревна сруба скрывали гладко струганные доски светлого дерева, доща-

тый потолок был тщательно выбелен, правда, местами прокоптился уже от свечей, однако все равно в парадных сенях было непривычно светло.

Посередине, прямо на войлоке, стоял длинный стол, накрытый белой льняной скатертью, а вокруг стола – двенадцать резных полукресел из ясеня и граба. На стеллажах виднелась парадная, раскрашенная под хохлому посуда.

На столе, между двумя пятисвечниками, имелся поднос, тоже раскрашенный под хохлому, на котором стоял кувшин с квасом и лежал небольшой ковшик. Все это придавало помещению яркий, праздничный вид, а отсутствие стоящих вдоль стен лавок и сундуков добавляло простора... чем Миша и пользовался: любил, когда думал, – ходить. Сейчас, впрочем, не ходил – уселся в кресло, усадив пред собой Вельку.

– Ну, давай-ка еще разок... Еще раз тебя выслушаю – может, что-то новое уловлю, так оно частенько случается, – сотник усмехнулся и тут же похвалил: – Что быстро все организовал – молодец! А вот за покос хвалить не стану – осмотр кое-как провел.

– Так ведь, господин сотник! – огорченно подскочил Велимудр. – Мы ж сразу, как коров услышали, – на пастбище побегли. А там – пастушонок мертвый...

– Ладно, ладно, не дергайся... Квасу вот испей... Вкусен, квасок-то! Особенно – в такую-то жару... Побегли они... Ишь ты... Значит, думаешь, второй пастушок от страха в лесу спрятался?

– Или в трясину попал!

– Или – в трясину... Собаки вот нет – да, – Миша потянулся к кувшину. – Значит, и впрямь – в болоте... Ладно. Завтра поутру заново все поглядим, на свежую голову... Ну, как квас?

– Вкусен, господин сотник.

– То-то! Говоришь, о пастушатах мелочь лучше расспросить? Молодец, сообразил.

– То не я, – отрок неожиданно сконфузился. – То девы подсказали.

– Что еще за девы?

– Звенислава... ну, та самая... И еще – Добровая с выселок. Она тоже умная. Только страшная!

– Что? Что ты сказал? Страшная? – Михайла захохотал в голос. – Запомни, умник. Не бывает страшных дев. Бывает мало... Впрочем, рано тебе еще о спиртном.

Хмыкнув, сотник поднялся на ноги и подошел к окну. Уж, конечно, уряднику Велимудру, коему едва-едва пошло четырнадцатое лето, о спиртном еще думать рано. Как и самому Мише, коему не так и давно стукнуло семнадцать... Хоть он и выглядел старше своих лет. Зеленые, как у матушки, боярыни Анны Павловны, глаза смотрели жестко, цепко, создавая образ весьма недоверчивого и хмурого парня, чему способствовал и раздвоенный ямочкой упрямый подбородок... как у покойного отца. Губы, правда, еще остались почти что детскими, пухлыми, зато растительность на лице

полезла уже давно. Светлая небольшая бородка, усы... мозоли на нижней челюсти, натертые подбородочным ремнем из-за постоянного ношения шлема. И еще – мозоли, набитые упражнениями на костяшках пальцев. Вечные синяки и царапины, постоянный, несмотря на ежедневные купания, запах пота, въевшийся в войлочный поддоспешник...

Семнадцать лет... Это здесь – семнадцать, этому, так сказать, телу... Впрочем, не только телу – тут имел место быть симбиоз. Средневековый мальчишка из села Ратного – и вполне себе матерый мужчина, управленец из высших слоев, бывший депутат Госдумы (и много кто еще) Михаил Андреевич Ратников из города Санкт-Петербурга, перемещенный силой науки в тело юного отрока. Раньше это как-то напрягало (не только других, но и самого Михаила) – уж слишком мудро рассуждал и действовал двенадцати-тринадцатилетний пацан, ну, а теперь, когда семнадцать, а по виду – и все двадцать, уже не так напрягает, чего ж...

Что и говорить, адаптация прошла успешно, однако ж с тех самых – первых – пор появилась у Михайлы привычка к внутренним монологам или диалогам с язвительным Михаилом Андреевичем, иронично обращающимся к Мишке «сэр Майкл». Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича Ратникова, и тот на некоторое время как бы засыпал, но когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься многоводной рекою, захватывая сознание безраздельно.

Кроме самого Миши, таким вот «перемещенным» еще был Тимка, Тимофей Кузнечик, а еще – сгинувший (скорее всего, вернувшийся обратно в свое тело и время) боярин Журавль, отец Тимки Дамир (может быть) и – тоже может быть – братец Тимофея Юрий, и поныне проживающий в землях боярина Журавля, где после исчезновения боярина стало твориться что-то не очень понятное. Кто-то что-то крутил, мутил воду – зачем? Для чего? И кто этот – «кто-то»? А может, и показалось все... К слову, Юрий прямым родичем Тимофею не был, но два боярина – Сан Саныч Журавль и Данила-мастер – были дружны с самой юности и почти никогда надолго не расставались, так что и Тимка почитал сына Журавля за старшего брата. Да их частенько так и называли промеж собой – Старший и Младший.

– Так, Велимудр! Младших в Ратном опросить! Что они о Хвале и об этом, как его...

– Белян, господин сотник!

– ...о Беляне скажут. Умели ли плавать, могли ли в болоте утонуть, да и вообще – как к делу порученному относились и по жизни как? В таких вопросах все важно! Долго не тяни, в свободное от службы время – сделай.

– Могу спросить, господин сотник? – встав, Велька выпятил грудь, видать, хотел спросить что-то такое, не очень дозволенное. Не пакость, конечно, но...

– Ну, изволь – спрашивай.

– Могу себе помощников взять? – Рыжий скромно потупил взор. – Чтоб быстрее.

– Дружка своего, Ермила, попроси. Думаю, не откажет.

– Да нет, надо бы кого из Ратного... Ну, с ближних высе-лок хотя бы. Чтоб всю мелочь знали.

– Ага, – усмехнулся Михайла. – Небось, у тебя и на при-мете кто есть? Такой вот знающий...

– Да дева одна, Звенислава... Ну, которая в Царьграде...

– Помню я Звениславу – умна.

Сотник прищурился: вот, оказывается, чего этот рыжий пройдоха скромничал! Небось, понравилась девка... А что? Красивая, умная... Правда – бесприданница. Да и семейство – увы...

– Ладно, зови, коль дед Коряга ее отпустит...

– Так вы бы, господин сотник, того... Спросили бы деда!

«Нет, вы слышали, сэр Майкл? Вот уж поистине на-глость – второе счастье. Прогнать его, что ли? Пуцай сам с дедом сговаривается... С другой стороны, дед его пошлет, черт тот еще! А Звенислава девочка и впрямь умная. Как она тогда знаки подавала... на пути из варяг в греки. Височ-ные кольца подкидывала – “бусины” дреговичские, весточ-ку подавала – догоняющие на верном пути. Умная, да, но несчастливая. Дед Коряга ее в черном теле держит, ни на покос лишний раз не отпустит, ни на праздник какой. Да и вообще, как бы не продал заезжим купцам! Может ведь и продать, в своем праве – глава семейства, “большак”. Скупа

на радости у Звениславы-Звеньки жизнь... Так пусть хоть немного развеется, надо ее потихоньку к общественным делам привлекать. Опять же, заступник какой-никакой появится – рыжий...»

– Ладно! Записку деду отпишу. Сам же и отнесешь!

– Слушаю, господин сотник!

Ух, как обрадовался парнишка! Как засиял, как дернулись, колыхнулись рыжие непокорные вихры!

Пойдя к полке с «хохломской» посудой, Миша протянул было руку к стопке желтоватой бумаги с собственной ратнинской мельницы, да передумал. Чай, не князю письмо, дед и берестой обойдется!

Для таких вот обыденных надобностей писцы с утра по-полняли в «кабинете» запас берестяных грамот, аккуратно нарезанных острым ножом и отскобленных от лишнего слоя. Можно было их еще в кипятке подержать, ну, да сойдет и так...

Взяв бересту и писало, сотник уселся за стол...

«Игнату Коряге из рода Лисовина Михайло-сотник челом бьет...»

Схватив написанную грамотцу, Велька улетел, словно на крыльях!

Михайла же собирался сегодня проверить караулы, этак неожиданно, без всякого распорядка. Выбрать наугад два-три секрета... даже четыре можно. Полусотника Демьяна с

собой взять, он, с тех пор как получил повышение по службе, готов траву с корнями рвать... Еще бы! Было ведь и без него их кого выбирать! Одначе против Демьяна никто и слова не сказал – все видели, знали, как он командовал младшей стражей, когда Миша отправился в Царьград. Так сказать – и. о. сотника. Справился ведь! Без всяких крупных косяков, мелкие – да, были, так у кого их не бывает-то?

Или не братъ Демьяна? Самолично прокатиться... И не на коне, а на лодке! Парочку воинов с собой – гребцами, и так, для почтения к власти. Это ж разве дело, когда сам сотник – на веслах? Нет, не дело. Сегодня сам – на людях! – гребет, завтра – канавы роет... Какое уж тут уважение к власти?

Выйдя на крыльцо, Миша едва не споткнулся о сидевшую на ступеньках девчонку. Верно, из девичьей школы посланная кем-то из наставниц.

– Эй, девица-краса! Ты по какому делу тут?

Девушка встрепелулась, вскочила на ноги... Мосластая нескладная дылда, почти без всякого намека на грудь – такой бы в баскетбол играть. Плоское, ничего не выражающее лицо, вытянутое, словно лошадиная морда, узкие бесцветные глаза, волосы – паклей. Давно в бане не мылась? Или просто такие вот волосы и есть – ломкие, редкие. Короче, как иногда напевал-шутил наставник Тимофей: «...и ненакрашенная страшная, и накрашенная страшная». А-а-а, так вот про кого только что говорил Велька! Про Звеньку и вторую девушку... Добронегу? Доброславу? Так как-то...

– Осмелюсь доложить, господин сотник! Я тут это... по делу, ага...

– Понятно! По покосу и пастбищу. Ты, верно, Доброслава?

Девчонка потупилась:

– Добровая я. Иные Воей кличут.

Воя! Хм... Какой вид, такое и прозвище.

Девка говорила басом, горбилась, а руки – не знала, куда девать. Вся одежда – длинная рубаха, девичья запона – что-то типа покрывала с отверстием для головы, выглядела на Вое, как на вешалке. Хотя вроде все добротное, с красной вышивкой оберегом по вороту и рукавам и подолу, а все же... Несуразность какая-то! Однако именно такие вот «вешалки» в модных домах Милана и Парижа – нарасхват! Именно они по подиумам и ходят.

«Так что, сэр Майкл, на вкус да цвет товарищей нет! Зря тебе девка не глянулась. Да-да. Именно дева – незамужняя, о чем красноречиво свидетельствовала та же запона, и невзрачная – наклей – коса безо всякой ленты. Была бы лента – все бы знали, девушка замуж собралась, можно сказать – помолвлена. У замужней же женщины – хоть и в четырнадцать лет – две косы! Да и платок, или широкая лента с бисером. У этой вот тоже лента, узорчатая, голубая... Вроде и красиво, а все как-то не то! С другой стороны, можно ведь сказать не дылда, а – статная! Хорошее же слово, да...»

– Воя, говоришь? Ты там, на покосах, все знаешь?

– И на покосах, и на дальнем пастбище, господин.

– Молодец! Сейчас с тобой туда и отправимся. Покажешь, а по пути – расскажешь.

Девчонка в ответ закивала, бесцветная коса ее дернулась, словно хвост мокрой собаки, забила по мосластым плечам.

– Ты сама-то чьих будешь? – поманив пальцем попавшегося на глаза десятника, Миша вновь посмотрел на девушку.

– Унятины мы, – прогнусила-пробасила Воя. – Унята – так большака зовут. Мы в Ратном живем, у околицы.

– Это такой большой дом, с садом?

– Еще птичник у нас, два хлева, конюшня...

Еще не так и давно половина домов в Ратном не имела печных труб и топилась по-черному. Многие даже имели земляные полы, и, входя в них, приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться на три-четыре ступеньки вниз, так как эти дома – а скорее, полуземлянки, – по старинному обычаю, были почти на треть заглублены в землю.

Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались досочкой.

За последнее время, правда, в Ратном много чего появилось, в том числе – и роскошные, по здешним меркам, дома! В одном из таких как раз и жила Добровоя, девушка, похоже, далеко не бедная. А чего ж тогда на общем покосе? Так

они все на покосе! С каждого двора – по одному, по двое... Богатые, бедные – все равно.

Унятины, Унятины... А!

Егор Унятин – старшой! Из свободных крестьян, кои некогда никому не кланялись – из «людей», не из смердов. Воин! Из тех, кто верой и правдой батюшке воеводе деду Корнею служил, что от князя надел земли получил именно что за службу. Так что можно считать, и не крестьянин уже вовсе, а дворянин, рыцарь! Правда, это пока понятие «западное»... Но ведь по сути-то!

Ратное носило такое название не зря. Около ста лет назад, повелением князя Ярослава, прозванного за морем варягами Ярислейбом Скупым, а позднейшими историками – Мудрым, сюда, на границу бывших древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями. С тех пор, по первому призыву князя киевского, а позже туровского, все, способные носить оружие, жители Ратного нацепляли на себя кольчуги с шеломами и садились в седла. Село было богато и многолюдно, так как по жалованной княжеской грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой. Да и землю эту никто не мерил, как, впрочем, лесные, рыбные, бортные и прочие угодья, которыми пользовались жители Ратного. Пользовались по праву сильного, поскольку отвоевали эти угодья с оружием в руках у местных, поощряемых на сопротивление языческими волхвами.

Все это в прошлом уже... Однако не в столь уж и дальнем.

– Слушаю, господин сотник! – подскочив к крыльцу, вытянулся десятник, старый Мишин знакомец, Златомир, в крещении – Евтихий. Красив молодец, хоть куда! Чернобров, черноок, до женского пола жаден. Пожалуй, не слишком умен, зато верен, и вообще – по жизни упертый. Чего захочет – добьется обязательно. Недостатки – ну вот, опять же – девки... Очень уж до них охоч, не одну юбку... то есть запону не пропустит! Даже и на поневу – замужних! – западет, бывали случаи. Одно слово – бабник. А на Добровую вот взглянул да тут же скривился, хорошо – не сплюнул. Не глянулась!

И это неправильно! Не бывает некрасивых дев. В каждой – своя красота, с первого взгляда, может быть, и не очень-то видная. И не нужно девушек обижать. Никогда. Десятнику Златомиру, к слову сказать, нужно не забыть объявить замечание, поставить на вид – чтоб с таким постным лицом на девушек не смотрел бы!

– Двух унотов к пристани подошли, Злат. Как сам-то? Как дева твоя? Не скоро еще до свадьбы?

Десятник расцвел – как же, сам господин сотник его помнит и про все его дела знает! Ну так а как же? Чай, Златомир-то хоть и недавно десятником, а не просто так – храбрость и верность свою делом доказал, все в том же Царьграде.

Вполуха слушая ответы воина, Михайла все поглядывал

на Добровую. Ей бы переодеться не худо для лодки-то... Хотя времени-то уже и нет.

– Удачи тебе, Златомир! Пусть помогает тебе Господь и все святые.

Едва только сотник и сопровождающая и его дева успели спуститься к пристани, как тут же подскочили двое лохматых мальчишек, хоть и без кольчуг, однако с кожаными поясами, при мечах и с ножами. Чтоб видно было – не какие-нибудь там закупы или смерды, а уноты, воины младшей стражи!

– Унот Благодослав!

– Унот Гостята!

Похожи были, словно пресловутые братья из ларца – одинаковые с лица. Оба худощавые, юркие, сероглазые. Только волосы у Благодослава – темные, у Гостя-ты же вихры белые, словно лен.

Пристань в Ратном уже была выстроена шикарная. Собственно, не сама пристань, а то, что рядом, так сказать – инфраструктура. От села к главному – грузовому – причалу шла вымощенная булыжниками дорога, вдоль которой располагались торговые рядки и склады, у самой же пристани, на самом берегу, местные богатеи выстроили в складчину постоялый двор, естественно – с корчмой, где варили пиво, медовуху и бражку не только по праздникам, но и во все иные дни, периодически – чтоб было. Тем более что разлитый по запечатанным глиняным кувшинчикам (местное про-

изводство) хмельной товар в сезон расходился быстро, как и горячие пирожки. Так же влет уходили «пивные» плетеные баклажки – из лыка и липы. Собственно говоря, сезонов было два – зимний и летний. Зимой реки использовались в качестве санных путей, в межсезонье же, когда только становился лед или, наоборот, в ледоход – никаких проезжих путей не имелось практически повсеместно. В свое время римляне до этих мест не дошли и дорог не построили.

Когда-то не так и давно Михайла задумал было своими силами вымостить-починить зимник (чтоб был и летником) в сторону Нинеиной веси и дальше, на выселки, да дед Корней на пару со старостой Аристархом вовремя отговорили юного сотника от этой дорогостоящей и пропащей затеи. Ну, собственно, при почти полном господстве натурального хозяйства дороги как-то не очень-то и нужны. Строго говоря, и в летний-то сезон прибыль от продажи алкоголя, пирогов, свечек и прочего исходила лишь от торговых караванов, ладей, идущих по пути из варяг в греки и обратно. Караваны, конечно, в сезон появлялись периодически... но не слишком-то и часто. Соседям же здесь, в Погорынье, ни пиво-бражка, ни пирожки были как-то не очень нужны – сами пекли-варили. Правда, в голодное время – меняли пирожки на свежую рыбу, кою ратнинцы нынче брали из милости: мол, рыбы-то мы можем и сами наловить, а вот вы где до конца лета-осени муку возьмете? Сами ратницы нынче были с хлебом – те, кто посадил озимые, как и советовал Миша.

– Хо, это кто еще? – положив весла в лодку, белоголовый Гостята обернулся с мостков.

Сотник с Добровой и другим унотом, Благославом, дружно повернули головы, полюбопытствовали. И немудрено: с косогора вниз, к речке, бежал абсолютно голый мужик лет сорока, лысоватый, с растрепанной бородой, круглым брюхом и кривоватыми волосатыми ногами. Бежал вовсе не потому, что за ним кто-то гнался или, наоборот, кого-то хотел догнать. Просто бежал. Что-то орал и пытался затянуть песню, да не простую, а про древнего жесткого бога Ящера:

– Сиди, сиди Яш-ша! Под ракитовым кустом! Сиди, сиди...

Оп! Запнувшись о кочку, голый певец нелепо взмахнул руками и кубарем скатился в омут.

– Мефодий. Новгородский торговый гость, – со знанием дела пояснила Добровая, похоже, ничуть не смущенная видом голого мужчины. – Вторую седмицу на постоялом дворе сидит. Все запасы браги выпил, гад ползучий, – мои на него за это ругались.

– Торговый гость... – Миша уселся в лодку, на резную корму, как и положено должностному лицу, облеченному немаленькой властью. – Купец, значит. Так он торговать должен, а не днями напролет бражку пьянствовать! Э-э! Не утоп бы! Уноты, братцы, – помогите-ка...

– Да вынырнул уже!

И правда – вынырнул, встал на мели, воду из уха вытряс,

заругался:

– Ох, черт, чертушко! И когда только на Руси-матушке дороги будут?

– Какой же он новгородец? – дождавшись, когда Добровоя проберется на нос, сотник махнул рукою гребцам – поплыли. – Новгородцы все «цокают». Зацэм, поцэму, цто... И черта они бы «цортом» прозвали! Да и не помянули б его в ярости, скорей – того же Ящера-Яшу или вообще – волховского коркодила.

– Кого-кого? – заинтригованные до глубины души, уноты позабыли про весла.

– Ну, крокодила, – хмыкнув, пояснил Михаил. – Зверь такой зубастый, рептилия. Ну, песни еще поет... Я играю... на гармошке... у прохожих на виду-у!

– Песни поет?! Коркодил?!

– Да шучу я про песни.

– Коркодил этот, говорят, страсть как много народу в Волхове поел! – поудобней устроившись на носу лодки, вскользь заметила Воя. – А Мефодий этот не с самого Новгорода, откуда-то с дальних пятин. То ль с Обонежья, то ли с Двины-реки.

«А девочка и вправду не дура! – улыбнулся сотник. Много чего знает, ведает. Ну так девчонка же! По воду к колодцу пошла – тут и «женсовет» местный, «эжелтая», можно сказать, пресса в лице особо говорливых особей типа той же Варвары. Сплетни, слухи, скандалы! Просто кладезь ин-

формации, была б еще она проверенной, или, говоря по-научному, – верифицированной, цены б такой инфе не было!»

– А гулеванить он тут с дядькой Сучком остался! Правда, Сучок уж проспался давно... А это, вон, оладьи свои в Туров отправил, да велел там торговать, его дожидаться...

Ах вон оно что. Сучок, значит, собутыльник-то, ага! Ах, Кондратий Епифынович, – седина в бороду, бес в ребро? Хорошо еще, не по девкам пошел, а по пьяной стежке.

– А вон и Пимка идет! – Добровая указала на появившегося на берегу парня – родного племянника Кондратия Епифановича – Питирима, попросту – Пимку или Швырка.

– Здрав будь, гость торговый! – подойдя к реке, ухмыльнулся Швырок. – Дядюшка к завтраму долг требует. Меня вот послал.

– Какой еще долг? – Выйдя из воды, бесстыдный купчина похлопал себя по бокам. – Уфф! Не худо это я искупался.

– Две ногаты! – гнул свое Пимка. – Дядюшка сказал, ты вчера еще отдать обещался.

– Две ногаты, горишь? Мх! А на что он вторую баклагу пьянствовал?!

Глядя на все это безобразие, Добровая с осуждением покачала головой и неожиданно предложила «хорошенько наподдать» купцу, чтоб не выпендривался. Что ж... в принципе, оно б и неплохо – успокоить буяна, – да вот толоч со временем...

– Ничего, Швырок и сам справится, – сотник спрятал усмешку. – Если что, на подмогу-то прибегут, чай, не в лесу. Давайте-ка, парни, гребите швыдче!

Получив приказ, отроки заработали веслами. Резко прибавив ходу, лодка вылетела на середину реки и быстро поплыла вниз по течению, так что уже через полчаса вся команда оказалась на месте – на заливном лугу. Здесь все так же паслось стадо, правда, уже куда меньшее, из тех коров, что остались, да еще кое-кто из бедноты подогнал пару нетелей. И пастушки были другие – долго ли мелочь-скелочь нанять? И недолго, и недорого. Эти вон двое – точно за еду работают.

– Здорово, парни! – подойдя ближе, улыбнулся сотник.

Босоногие пастушата – рыжеватый, с конопушками, и чернявенький, смуглый, – тут же принялись кланяться:

– Здрав буди, господине!

Мелкие совсем... Детский сад – старшая группа.

– Вам сколько лет-то, отроци?

– Мне – восемь! С половиною!

– А мне – десять скоро.

– А собаки у вас, я смотрю, нет...

– К завтраму дед Коряга обещался собаченьку... Стельная-то коровка-то у него в болотине утопла, нынче дед нетеля дал, – чернявенький грустно вздохнул. – Да сказывал, коли не уследим – лично плетьюми выдерет!

– Ясно все с вами. Удачи!

Махнув рукой, Миша обернулся к девушке:

– Ну, что, Воя-Добровая... Показывай, где тут болото.

Болото как болото – коварное. По краям – чавкающая коричневатая жижа, по середине – зелено, будто лужайка. Так и тянет прилечь, растянуться... или вот – пожевать свежей травки... ежели ты – корова.

Михаил задумался, принялся рассуждать вслух:

– Ладно, пастухи проспали. А что ж пес-то коров от трясины не отогнал? Не залаял, пастушат не разбудил?

– Да пес-то у них, господине, старый. Все на трех лапах ковылял.

– Все равно, мог ведь залаять. Впрочем, не спали пастухи. Даже если и подремали, так потом один купаться побег. Нешто напарника не толкнул бы: мол, за стадом пока присмотри? Ты вот, Войша, что думаешь-мыслишь? Как тут все могло быть?

Отойдя в тень, в перелесок, сотник уселся на поваленный буреломом сосновый ствол и махнул рукой Добровое – садись, в ногах правды нет. Отроки же – воины младшей стражи – встали недалече по обе стороны да бросали по сторонам зоркие настороженные взгляды. Типа – охраняли господина сотника, на самом же деле – перед пастушками выпендривались... ну, и перед Добровойей.

Девушка неожиданно зарделась, покусала губу – видать, не очень-то часто ее мнение спрашивали. А тут вон – сразу сотник! И то – интересуется.

– Ну-у... не знаю я...

– А ты подумай! Вот представь: зной, дрема... коровушки в тень прячутся, травку щиплют... Красота! Что пастухи делают?

– Ну-у... задремали, бывает. Потом Белян проснулся, купаться захотел. Он плавает-то славно!

– Ага. Ты, значит, его знаешь.

– Тако в одном селе живем. А Беяна родичи – у нас в закупах частенько бывали. Знаю Беяна, ага... Знала. Завтра хоронить будут. Хм... не, не мог он просто так утонуть! Он завсегда тут купался.

– Ну, всякое же бывает.

– Бывает. Однако – подозрительно, – упрямо набычилась Воя. – Сразу вся! И пастушки вместе с собакой сгинули – разом! И коровы в трясины ушли... Тут же и пожар на покосе!

– А могли все это специально устроить?

– Могли... – девчонка задумалась, помолчала... дернула шеей. – Ну да, могли. Беяна в омутке утопили, Хвала – ножом или на стрелу, потом – в болото. Тако же и пса.

– А пожар?

– А пожар, господине, проще простого устроить! Загодя к стогам подобраться – потемну еще... Не! Даже и подбираться не надо – кто стога охраняет-то? От кого? Просто подойти да тлеющий трут в стоге оставить. Ночь-то спокойной была. А потом ветерком потянуло – вот и разгорелся трут, вот и пожар. Запросто!

– А кто у стогов ночью мог... Неужто не миловался никто? Это на покосе-то? Ни в жизнь не поверю!

Скептически свистнув, Миша, прищурясь, посмотрел на прячущееся за палевым облаком солнце.

– Может, и миловались, – покивала дева. – Да токмо мне то неведомо.

Спокойно так покивала, с деланым равнодушием – мол, и совсем мне глупости эти не интересны, вся эта ваша любовь-морковь.

Ага, не интересны, как же! Просто миловаться-то не зовет никто... А уж кабы позвали...

– Вот что, Войша, – сотник посмотрел на собеседницу с самым серьезным видом. – Кто в ту ночь в стогах миловался – это надо узнать. Узнать быстро... и тайно. Сможешь?

Девчонка сглотнула слюну.

– Коли надо, так сделаю, господин сотник.

Вот это разговор. Вот это правильно!

– И вот еще думаю... – негромко протянула Воя. – Кто бы это такой ловкий мог быть, чтоб к пастушкам подобраться – а они ни ухом ни рылом? Ладно, за стогами никто особо не смотрит, но пастухи-то – стадо пасут! Опять же, собака у них. Пусть и стара, но все-таки...

Михаил хмыкнул: Добровоя рассуждала сейчас в точности, как и он сам. Что ж, пусть возвращается на покос, самому же там делать нечего. Пожарище что толку осматривать? Коли б и было там что подозрительное, так заметили бы дав-

но... или затоптали.

Оставив Войшу на покосе, сотник заглянул по пути на пару постов – караульные ничего подозрительного не замечали, а коли заметили бы, так давно уже б доложили, уж в этом-то смысле служба в младшей страже была поставлена правильно. Так что и караулы Михайла сейчас проверял чисто так для порядку. Чтоб знали!

Пока то да се – уже полдень, пора было возвращаться в Михайлов городок, отобедать, да, в ожидании вестей, заняться рутинными делами службы. Молодой человек так и поступил, да после обеда прилег на часок вздремнуть... Тут-то его и разбудили!

Явился с докладом Велимудр, да не один, а с девушкой, Звениславой. Вместе ж должны были выпрашивать...

– Ну? – Миша кивнул на лавку. – Садитесь, рассказывайте.

– Не мог Белян утонуть, – шмыгнул носом Велька. – Очень хорошо плавал.

– А те, кто не плавает, те и не тонут. – Сотник задумался... ничего нового: то же самое говорила и Добровая. Ну, подумаешь, пастушок хорошо плавал. И что? Мало ли и с хорошими пловцами несчастных случаев? Тем более – ребенок...

– И Хвал – парень серьезный, не из озорников, – между тем продолжал рыжий. – Да и пес Горой – не такой уж ста-

рый. Нет, старый, но вполне себе бодренький, да и лает еще звонко!

Что ж, все это пока было как-то... косвенно, что ли... Да, на пастушков вполне могли и напасть... но и сами они точно так же могли и накосячить! Как говорила Добровая – запросто.

– Тут Звения еще... Звения, скажи!

Ага! Хитрый отрок не просто так притащил с собою девчонку! Знал – господин сотник любит все сведения из первых рук получать. Чтоб чужие доклады не пересказывали.

– Ну? Говори, говори, Звенислава, – сотник ободряюще улыбнулся... и вдруг заметил, что с девушкой что-то не так!

Ну да – не так. И глаз правый заплыл, и щека опухла. Сняк, правда, белилами замазан тщательно, но...

Девушка заметила пристальный взгляд и опустила очи долу. Миша встал, подошел, взял деву за подбородок:

– Дед. За корову.

Не спросил, скорей – утвердил.

Звенислава грустно кивнула.

Ну да, избил. А что? В своем праве! Большак в крестьянской семье – хозяин, что хочет, то и воротит. Формально – прав, и не придерешься. Разве что... неформально как-то... Ладно, припомним!

– Ты говори, говори, Звения...

– Я там, на лугу, цветочек нашла... Ну, ромашку... Выкинула потом...

– Так-так!

Михайла знал: Звенислава – девушка умная и зря болтать не будет. Коль уж сама с докладом явилась, значит, что-то ее растревожило, подозрительным показалась.

– Ну, вот. Вроде ромашка как ромашка. Только высохшая. Гладенькая вся, словно ее специально высушивали... а потом на одежду пришили. Я понимаю, коли венки, но...

– Ну, ну! Говори, что думаешь.

– Лешаки это, больше никто. У них такая одежда, и лоскутки-ленточки, и трава, и цветы. Чтоб незаметно было!

Лешаки... А ведь и правда! Невидимые воины из земель Журавля! Сейчас – себе на уме, некоторые кому служат – непонятно. Лешакам незаметно подобраться, бесшумно, невидимо, – раз плюнуть. Могли? Вполне. Но зачем им это? Вернее – кто бы их мог послать?

Тут и Велька свое словечко вставил:

– Лешаков-то и наши могли пропустить. Не заметили.

А ведь прав! Прав, черт рыжий. Эх, нехорошо все это... нехорошо...

– Ладно, Звенислава-краса. Спасибо! На вот тебе ногату – к глазу приложи...

Сотник протянул девушке серебряную арабскую монету – дирхем, из тех, что ходили на Руси-матушке под именем кун да ногат.

– Благодарствую, господине, – встав, дева поклонилась в пояс.

– А с дедом твоим я...

– Ой! – Звенислава повалилась на колени. – Не надо ничего с дедом... Не надо, чтоб знал... Да и не дед он мне – большак просто.

– Хорошо, хорошо, поднимайся... Не буду, – похлопав девушку по плечу, тут же пообещал сотник. – А ты не пропадай, к нам вот, в городок, заглядывай. Знай, мы тебя тут помним и всегда ждем. Ежели вдруг беда какая – не молчи, приходи.

Едва успели уйти эти, как пришла Добровоя. Стражники долго не хотели девчонку пускать – не глянулась, да и не из городка – чужая, ни воинов, ни матушек-наставниц не знает. Не пускали. Однако не на ту нарвались! Добровоя – девчонка упрямая, уж коли чего захочет – добьется не мытьем, так катаньем. Вот и сейчас...

Михайло вышел на шум, на крыльцо, – глядь, а Воя-то уже стражника опрокинула наземь! Этак ловко ему подсечку... на себя потянула и... Вот он, страж-то, в пыли! Совсем еще молодой отрок, первогодок, из отряда наставника Филимона... Ну, и что, что молод? С девчонкой не справился! Надо будет Филимону сказать.

Однако на дворе все еще только начиналось! Увидев такое дело, второй страж с возмущенным воплем подскочил от ворот, грозно подняв над головою рогатину.

Подбежал, замахнулся:

– Ах ты ж змеища!

И получил удар под дых! Не кольчуга бы – уж точно пополам бы сломался, да и так удар вышел хоть куда: Добровоя, подпрыгнув, хлестко ударила ногою – Брюс Ли отдыхает! Подол-то подрезан оказался... все предусмотрела. Правда, про кольчугу забыла... не подумала как-то... Сама же и поранилась, упала... Оба унота вскочили, выхватили мечи...

И все это как-то быстро – секунд десять – пятнадцать, вряд ли больше!

– А ну хватит! – раздался с крыльца грозный начальственный рык. – Хватит, я сказал!

Погрозив кулаком, Миша велел юным стражникам помочь девчонке подняться...

– Господин сотник? Ее в подвал велите?

– На крыльцо!

– Да отстаньте вы, чучелы стоеросовые! – заругалась Воя. – И без вас пойду. Руки убрал, кому сказала?!

Махнув рукой отрокам, Михайла повысил голос:

– Все! Свободны. На пост! На пост, я сказал!

– Слушаюсь, господин сотник! – хором отозвались уноты.

Отошли, недобро посматривая на Добровую, перешептывались:

– Вот ведь вобла чертова! Ничо, еще повстречаемся...

Подойдя к сотнику, Воя вежливо поклонилась:

– Про прелюбодеев вызнала, господин.

– Каких еще прелюбодеев?

– Тех, что в стогах...

– А! – вспомнил Миша. – Ну, заходи, заходи, поднимайся. Ты как, не очень зашиблась?

– Да не очень, – девушка повела плечом и, оглянувшись на юных стражников, усмехнулась. – Кабы не кольчуги бы...

– Тебя кто так драться научил? – пропуская деву в дверь, полюбопытствовал Миша.

– Егор Унятин, старшой наш, – Добровая ответила глухо и как-то не очень охотно. – Воин, он тогда с тобой... с ляхами... Руку потерял, хорошо Юлька-лекарка выходила!

– Помню Егора – славный воин. Много тогда погибло... Ну, заходи, заходи, не стой. Садись вон, на лавку... Кваску? По жаре-то?

Не дожидаясь ответа, сотник лично плеснул кваску из плетеной баклаги в деревянную, с хохломой, кружку:

– Пей.

– Благодарствую.

Гостя тут же опростала полную кружку. Пила с жадностью, одним махом. Так же, как только что дралась! Вот это девка. Не смотри, что на лицо... увы... Да и на фигуру – тоже. Хотя – а что фигура? Ну – вешалка... Так ей сколько годков-то? Поди, не больше пятнадцати... Пока еще в тело войдет...

– А ты у наших наставников поучиться не хочешь? – как бы между прочим поинтересовался Михайла. – Борьбу подучить... и все такое прочее...

– Не, не хочу. Некогда. На подворье дел много, а мужиков

в семье почти что и нет. Да и рядок на пристани открываем.

– Так там уж рядков-то полно!

Сотник не выдержал, хмыкнул. Собеседница тоже улыбнулась, но этак кривовато, видно, ухмылка Миши ее все же задела.

– Там рядки – да не те, – Воя дернула шеей. – Пиво-мед, пироги, сласти. А мы станем доски ладейные продавать, уключины, взвар-смолу да пеньку – конопатить, и все вот такое!

– Понятно. Все для ремонта судов. А что? Идея хорошая. Ну, что, Войша-краса, давай, рассказывай!

При слове «краса» девушку передернуло:

– Господин сотник! Можно попросить... Я ведь знаю, что некрасивая... Так что... ну это... не надо...

– Не бывает некрасивых дев! – Михайла пристукнул ладонью по столу. – Я всех так зову. Но! Просьбу твою запомнил.

– Благодарствую, господине...

Вскочив с лавки, девушка поклонилась.

– Да не кланяйся ты по сто раз, – отмахнулся Миша. – Ой... про подол спрошу. На пуговицах? На булавках?

– На бечевочках. Сама придумала, – Добровая потупилась, зарделась. – Ну это... Я же – девушка, у меня ноги сильные, а руки – так себе. Руками-то я отпор знатный дать не смогу, а вот ногами – другое дело!

– Видел я твое дело. Молодец! Так что там у нас со стогами?

– Есть у нас на покосе отрок красной, Баженое кличут. А с другой деревни, с Василькова, – Сияна, девица. Коса без ленты – жениха нет. Чего б и не миловаться? Так и до ленты, до жениха... На то и покос ведь.

Ну да, ну да – покос не только хозяйственное дело, но и социальное – молодежь судьбу свою строит. Как на комсомольских стройках, на БАМе том же...

– Так вот, господине, – так и не усевшись, продолжала девушка. – Оба они видели ночью здорового лешачину!

– Лешака?! – Миша вскинул глаза.

– Нет, господине, – покрутила головой Добровая. – Не лешака, а лешачину. Лешаки – это люди, из земель Журавля-боярина. Лешачина же – не человек, а леший – хозяин леса. Здоровенный, весь в траве-мураве, на голове – оленье рога! Да еще хвост, как у коровы.

– И все это они рассмотрели?

– Рассмотрели... Месяц как раз вышел. А он, леший-то, из реки и вышел. Как раз по берегу шел, пробирался за кустами. В стогу слышно было, как кряхтел. Сиянка-то других своих повлюбленков боялась, хоронилась... Вот и прислушивалась. Как услышали шаги – тут же в траве и схоронились. А уж потом увидали – леший! Говорят, страшный такой... с рогами!

– И что этот страшный с рогами делал?

– А ничего не делал. Походил возле стогов да ушел, а куда ушел – того милованцы не видели, к своим убегли. Испуга-

лися.

– И ничегошеньки никому не рассказали? – не поверил сотник. – Да быть такого не может, чтоб не похвастались! Как же – лешего увидали. Такое уж не каждый раз.

Добровая скривила тонкие губы. Не улыбка вышла, скорей – гримаса, отчего плоское лицо ее стало еще более некрасивым, страшненьким даже.

– Они б и похвастались. Кабы не боялись. У Бажена дева есть, у Сияны – парень, почти жених... Вот и испугались. Что уж тут говорить, трусоваты оба.

Леший... Михаил Андреевич Ратников ни в каких таких леших и прочих русалок не верил напрочь, как и во все, что противоречило диалектическому материализму. Михаил-то Андреевич не верил... а вот Миша Лисовин – так очень даже! Да мало ли кто в этих чащобах языческих жил, людям потихоньку гадил? Леший, водяной, русалки... Гнусный кровавый морок – Морена, Мара, кикимора, что выходит по ночам из своих поганных туманных болот, пьет кровь и людские сердца выедает! По крайней мере, именно так утверждала тетка Нинейя, ведьма и жрица, – а с чего бы ей врать-то? Внучка еще ее, Красава... Красава-краса... Вот уж точно краса, не зря Юлька ее недолюбливает!

«Ну, что скажете, сэр Майкл?»

Выпроводив Добровую, сотник развалился в резном полукреслице и, вытянув ноги, принялся разговаривать сам с

собою – думал.

«Итак, сэр Майкл, что мы имеем? Имеем предположительно нескольких лешаков – воинов-невидимок из земель Журавля. Кому они там сейчас починяются, Бог весть. Кто-то – местным, а кто и свою игру ведет. Могли лешаки все это непотребство спроворить – и на покосе, и на кладбище? Если им надо – запросто. Иное дело, что раньше они как-то ничем подобным не грешили, вели себя смирно и по чужим землицам не пакостили. Так-то оно так. Но ведь все могло измениться! Кто-то мог лешакам – тем самым, что себе на уме – что-то пообещать, подкупить, наконец... На эту тему надо бы лучше с Кузнечиком, с Тимофеем... Он ведь оттуда – большие про лешаков знает.

Да, лешаки... большие некому! На пастбище пробрались незаметно, а на покосе их – его! – совершенно случайно заметили. Совершенно случайно... Что, что, сэр Майкл? Говорите – леший? Ну-у, батенька! Эдак до чего угодно договориться можно. С нечистой силой нам как-то бороться не с руки, так будем пока считать, будто ее и не было. А были лешаки, воины-невидимки... Впрочем, не такие уж и невидимки – здоровенный, с хвостом и оленьими рогами! Ну, это все можно легко приделать... опять же – для маскировки. В леших здесь верили все, такое уж было мировоззрение – полухристианское-полуязыческое... Религиозное! В Средние века много ни у кого не имелось!»

Кузнечика сотник лично навестил в мастерской.

– Здорово, брат Тимофей!

Друзья обнялись, хотя последний раз встречались всего-то день назад.

– И вы... ты... День добрый!

– Кому добрый, а кому и не очень, – усаживаясь рядом с токарным станком, посетовал Миша.

На станке, в струбцине, была закреплена какая-то хитрая деталь – то ли для сеялки, то ли для какого иного комбайна. Станок приводился в действие не ногами и не крутящей ворот лошадкой, а верхнебойным мельничным колесом, расположенным на быстром ручье неподалеку. Энергии падающей со специального желоба воды хватало даже на пресс и тяжелый кузнечный молот, не говоря уж о станках. Миша, впрочем, в технические подробности особенно не вникал, оставив сие Кузнечнику и дядьке Лавру. Все же Михаил Лисовин был больше воин, именно ратное дело ему и нравилось, именно там – во главе младшей стражи – он и чувствовал себя на своем месте.

– Лешаки? – выслушав, задумчиво протянул Кузнечик.

Там, в будущем, ему – Димке! – было девятнадцать лет, и он быстро умирал от саркомы. Но все же – девятнадцать, здесь же – тринадцать всего. Соответственно парень и выглядел... в отличие от осанистого и уже заматеревшего Миши.

– Лешаки, они да – когда-то и нас с тобой охраняли... Напасть и вредить? Ну-у... хватает и в землях Журавля гадов.

Тех, что себе на уме. Не много, но такие есть, встречаются. Эти могли, да... Подробнее? Подробнее надо спросить у Юрия. Да и вообще, хорошо бы навестить, давно не были.

– Навестим, – задумчиво покивал сотник. – Только чуть позже... Пока же я вот что мыслю. Если предположить – пока только предположить! – что все случившееся не случайность, а сознательная диверсия, то... что мы увидим?

– А что мы увидим? – глаза Тимки азартно вспыхнули.

– А увидим мы, брате, что не все там у них гладко прошло. Если по военной науке судить... по Клаузевицу, Триандафилу и прочим светилам... то всякая диверсия должна иметь тактическую и стратегическую цель. Стратегическая цель – запугать, ослабить, тактическая же – вполне конкретная. В данном конкретном месте устроить конкретную пакость. И что мы видим? Какова была тактическая цель на пастбище?

– Так ясно же – уничтожить скот, – Кузнечик повел плечом, совсем еще детским, мальчишеским. – Вот они его и... в болоте.

– Не весь, да. Но – большую часть. Еще и пастухов убили. Ну, по моим предположениям.

– А стога, значит, так толком и не сожгли?

– Вовремя пожар заметили.

– Значит, явится снова, – убежденно кивнул Тимофей. – И не обязательно сюда. Ищи, Михаил. Где тонко, там и рвется.

– Вот и я о том, – хмуро покивал сотник. – Вот и я о том... А нельзя будет с этими твоим лешаками переговорить?

– Можно, – Кузнечик ласково погладил закрепленную на станке деталь. – Только вряд ли помогут. Не забывай – в землях Журавля давно уже порядка нет, а лешаки все-таки – каста. И я так думаю, кто-то их в этом убеждении постоянно поддерживает. Кое-кто мог и польститься на чужой приказ – не все, но... так сказать, левые.

– Это уж так... Ладно, поглядим. Бывай пока, Тима.

– Да, Миша, – уже попрощавшись, Тимофей нагнал боярича в дверях. – Думаю, вражины не так просто пришли. Не нахрапом. Если лешаки – есть у них в Ратном свои глаза и уши. Обязательно есть!

Сотник вернулся в «хоромы» уже затемно. Отворив окно, уселся на лавке, вытянув ноги. Слышно было, как за рекой, в Ратном, голосили петухи, с пристани же доносились обрывки разухабистых песен – продолжал гулеванить новгородский торговый гость. Вот же неугомонный! Что называется, попала вожжа под хвост. Ишь, орет-надрывается:

Сиди-сиди Яша под калиновым кустом!

Кушай-кушай, Яша, орешки каленые!

А ведь прав брат Тимоша! Есть, есть у «левых лешаков» в Ратном и глаза, и уши. Отыскать их быстро вряд ли получится... А тогда, значит, что? Правильно – нельзя отыскать, так можно использовать. Можно и нужно...

Что-то просвистело за окном, и Михаил машинально пригнулся – пуганый все же уже, воин!

Пригнулся, сполз с лавки, откатился по полу в сторону... И, осторожно поднявшись на ноги, недобро прищурился – в простенок меж полками впилась – дрожала – стрела! Длинная, с черными вороньими перьями.

Глава 2

Погорынье, июль 1128 г.

Осторожно подобравшись к стене, Миша протянул руку, вытащил аккуратно стрелу, все еще дрожавшую и казавшуюся живой, ядовитой, злобной! Однако не глубоко и вошла. Лук – слабый. Из такого детишкам только стрелять. Да и вообще, как можно гарантированно попасть в человека, сидящего в темной комнате? Ни светильников, ни свечей сотник не зажигал. Просто прилег на лавке – думал. И вот те нате – стрела!

Откуда стреляли? С пристани очень даже могли. Правда, там даже сейчас людно... Вон, у корчмы гомонят, все никак бедным не успокоиться.

Да, могли с пристани... Только зачем? Напугать. Так Миша пуганый и не такое видал. Подумаешь, стрела... Хиленькая, к слову сказать... и отцентрована плоховато. Господи! Да ведь точно такие в торговых рядках продают по роумейской медяхе десяток! Столько пирог-рыбник стоит... ну, пусть полпирога.

Пристань... Корчма... Крики... А ну-ка...

Сотник оказался на пристани минут через десять. И впрямь – у корчмы гомонили. Тот самый толстобрюхий пропойца-купец, как его... Мефодий! И с ним еще двое, лет

примерно по тридцати, одеты небедно... Да, верно, купцы с причалившей вечерком ладейки! Даже при луне видать было – пьяные, а уж если речи послушать...

– Верно, робяты! Так оно... оно и есть...

– У кого есть? У тебя?

– И у меня есть... А у вас – нету!

– А... А... А чего у нас нету, друже?

– Того! А ну-ка, еще стрельнем... Дай-ко стрелу... Ща на спор! Вон в то дерево...

– Так ты и первый раз не попал!

– Дак эт я того... Это я в луну целился!

Сотник сжал кулаки и сплюнул. Вон тут что, оказывается! Питухи-пианицы на спор из лука бьют. Куда Бог пошлет... В луну он целился, паразит! Ишь, разорались. Надо бы стражу послать – утихомирить. Хотя... Стражу, даже младшую, на такие пустые разборки посылать – слишком много чести! Пушай корчмарь с ярыжками своими утихомиривает разошедшихся постояльцев.

– А! А это ты кто?

Изрядно шатающийся купец углядел, наконец, Мишу.

– Конь в пальто!

Проходя мимо, сотник толкнул купчину плечом. Однако же пьяница на ногах удержался, да мало того, полез в драку – с неожиданной ловкостью и силой ухватил Михайлу за плечо... И – тут же получив в ухо! – кубарем скатился к реке, потеряв по пути и лук и стрелы.

– Вот! – один из собутыльников горе-купца одобрительно хмыкнул.

– Так ему и надо, – поддержал второй. – А то затеял тут – пойдем, постреляем! Стрелок чертов. Сидели б себе как люди...

– Так и идите, – Михаил поднял потерянный лук... не такой уж и детский. Тетива, правда, плохо натянута... – Лук заберу от греха. Скажете, пусть за ним завтра в Михайлов городок, в крепость, заглянет. Как проспится.

– Скажем, господине. А вы, никак, воевода?

– Сотник.

– А-а! То-то я и смотрю. А мы – воляняне. В Киев на торжище плывем. Эвон, лодейка наша. «Фелицатой» зовется. Корабль добрый!

– Как-как вы сказали? – закинув лук за плечо, удивленно переспросил сотник. – Фелицата?

– Этак жену нашего кормчего звали, гречанку.

Снизу, от реки, слышался шум: сопение, плеск воды...

Похоже, купчина приходил в себя. Что-то вполголоса бурчал, умывался... однако обратно к корчме не шел, боялся, наверное...

– Вы там служкам скажите, чтоб присмотрели...

– Ага, мил человек. Скажем!

Вернувшись в хоромы, Миша развалился на лавке. Так просто прилег, не раздеваясь, лишь сапоги снял да кожаный

наборный пояс с мечом, ножом и калитой-сумкою. Все равно не уснуть уже – стерла сон эта чертова троица, буяны-пьяницы... тем более уже начинало светать, алел над дальним лесом край неба. Тихо было кругом – питухи успокоились, видать, продолжили пить в корчме... или вообще уснули. А Мише вот не спалось... зато хорошо думалось. На утренней-то зорьке да в тишине! Даже петухи еще не кукарекали... но вот-вот...

«Кому ж понадобилось пакостить? Лешаки сами по себе не станут – кто-то же их настропалил! А кто? За чем? Быть может, кто-то из соседей, просто из зависти, так бывает, и гораздо чаще, чем многие думают. Завидовать-то ведь есть чему...»

После возвращения Михайлы и его друзей из Царьграда Ратное жило мирно, и даже можно сказать – богато. Кроме воеводы Корнея Агеича и его дружины каждодневный покой ратнинцев оберегала младшая стража. Имелись и школы, в том числе и девичья, «бумажные» мельницы, самострелы с прицелами, греческий огонь, а с самых недавних пор и первая типография! Примитивная, конечно, но лиха беда начало! Под чутким руководством Тимофея Кузнечика в мастерской отлили шрифт – «полуустав». Чтоб и красиво, и понятно. Задумали печатать учебники, для начала – «Азбуку» и «Математику»; Миша составлял макеты вместе с Тимофеем, и еще к делу сему хотели привлечь Юрия из земель Журавля. Подумывали и о периодической печати, благо редакция уже

была: дьяк Илья – секретарь, плюс бойкие девчонки из Ратного – Евдокия, Добромира, Любава, те самые, которых Миша и раньше использовал для формирования «общественного мнения».

Кроме того, в Ратном заново оборудована пристань с торговыми рядками и гостевым домом с корчмой... будь она неладна! Появились первые мануфактуры – большие предприятия с наемным трудом – «бумажная», «сукновальная» и «стрелометная» – для арбалетных «болтов». Многие хозяева еще в прошлом году перешли к трехполью и уже к июлю дождались озимых. Народ потихонечку богател, заводил скот – коровушек, молочное и «навозное» скотоводство.

Авторитет Михайлы-сотника возрос почти до небес – ляхов разбил да еще освободил своих в далеком Царьграде! Соседи же недоумевали – как, откуда все эти новшества, зачем?

Завидовали, да. Вот и пакостили... Эх, знать бы точнее! А про засаду Кузнечик правильно сказал. Подумать только надо – где ее устроить да как.

«А еще Кузнечик говорил про некоего князя Юрия. После того как сгинул боярин Журавль и его друг Данила-мастер, лешаки дурь почуяли, стали искать, кому уменье свое продать подороже. Тут и объявились людишки князя Юрия из Ростово-Суздальской земли... Будущего Долгорукого. Правда, какое дело ростовскому князю до Погорынья, какие у него тут могут быть интересы? Где Ростов, и где Ратное? Север и юг. Лед и пламень.

Правда, князь – тот еще черт! И надо бы поискать надежных друзей? Только вот найдутся ли? У всех соседушек голод, а Ратное – с озимыми. Вот и завидуют. А где зависть – там и война. «Лешаков» же, скорее всего, Юрий к себе переманил... в Ростов или в Суздаль. Такие воины всякому нужны, лишними не будут. За тем и людишек сюда посылал – вербовщиков.

У нас же все... Где тонко, там и рвется... А где у нас тонко, сэр Майкл? На дальних покосах да пастбищах? Хм... вряд ли вражины снова туда придут – были ж уже, напакостили. Что еще остается? Что-то такое, что было бы непривычным и вызывало бы зависть... Мануфактуры! Ну да... Только они все здесь, рядом – тут и дружина, и стража, и народу полным-полно. Не-ет, вряд ли... Вот ежели б что подобное подальше было где-нибудь в Нинеиной веси, в Василькове...»

Рассуждая, Миша и сам не заметил, как уснул, и проснулся лишь ближе к полудню, когда выкатившееся на небо солнышко весело било в глаза!

Вообще-то, долго спать в те времена считалось делом предосудительным, но – уже только среди бедного населения городов – посадских людишек – и в крестьянской среде, среди всяких там смердов, закупов и прочих холопов. Людям самостоятельным, тем, кто при власти, долго спать было не только можно, но иногда и нужно – чтоб знали, чтоб власть да положенье свое показать! Мол, мы не какие-нибудь сиво-

лапы, нам ни свет ни заря вставать не надо. Сами себе день планируем, в полях горбатиться не ходим и канавы не роём! Так-то вот.

Проснувшись, Миша тотчас же поднялся на ноги и вышел во двор – умываться. Подозвав слугу, облился студеной водой из колодца да, разгоняя кровь, принялся махать руками. Потом отжимания, пробежка...

– Э-эй, стража! Отворяй ворота!

Хорошо! Правда, жарковато – все же не утро уже. А что, если выкупаться? Добежать до излучины, нырнуть с обрыва и... Хм... чья это лошадь у ворот? Уж точно не стражников.

– Здрав буди, господин сотник.

– И тебе не хворать, друже Питирим! Почто явился? Неужто по мою душу?

Юный племянник мастера Сучка Питирим, в просторечии Пимка или просто Швырок, спешил и, бросив поводья коня подбежавшему слуге, вежливо поклонился:

– Дядюшка мой, Кондратий Епифаныч, да продлит Господь его годы, кланяться велел! И зовет нынче с обеда в баню.

– В баню, говоришь?

– Корней Агеич обещался прийти, тако же дядь-ко Аристарх. Еще Андрей Немой будет и молодой наставник Макар.

– Ого! Неплохая компания. Всенепременно буду!

– Тако и передам.

Швырок вскочил в седло, однако сотник перехватил по-

вотдья:

– Что, и квасу не изопьешь?

– Да я б, господин сотник... Да некогда. Вот так работы! – парень провел ладонью по шее. – Кузнечик... Тимофей... помочь звал – что-то со станками у него в этой... в типа... типу...

– В типографии, – усмехнулся Миша. – Ну, дело важное. Неволить не буду. Удачи, друже Питирим. И мастеру Тимофею – поклон.

Проводив взглядом всадника, Миша поднялся в хоромы, где выпил кваску, переоделся, и снова задумался.

«Ишь ты – в баню... Дед Корней Агеич – боярин и воевода, староста Аристарх Семеныч, знатный воин Андрей (умный, хваткий, авторитетный... хоть и немой, да). Еще молодой и перспективный наставник Макар, именно он рано или поздно сменит и Филимона, и старого Гребня. Да уже и сейчас – в авторитете... несмотря на некоторые прошлые косяки.

Вот это компания! Дед Корней – считай, военный губернатор, Аристарх – глава администрации поселения, Сучок – заместитель главы по АХЧ, Макар – начальник общего отдела, ну и Немой...»

Этому эквивалентную должность Миша не сумел подобрать – пусть будет как представитель общественности. Ну и он сам, сотник Михайла, – зам. по безопасности, так сказать. И вот его-то – зама – и будут заслушивать! Баня – это так,

прикрытие, на самом же деле – закрытое заседание администрации. Тех, у кого власть.

* * *

Перед тем как ехать к Сучку, Михайла заглянул домой, к матери, боярыне Анне Павловны. Обнялись, поговорили, жаль, сестер дома не было – занимались наставническими делами в школе.

– Вот так вот, – мать – красивая и совсем еще не старая дама – сверкнула зелеными, как у Миши, глазами. – Вроде б и живем рядом, а видимся... от разу раз. Ты уж, Миша, в воскресенье-то заходи, после церкви.

– Зайду. Обязательно зайду, мама.

Сотник наклонился, поцеловал мать...

– Какой ты у меня стал... – Анна Павловна погладила сына по заросшей щетиной щеке. – Высокий, сильный... с бородкою... Ох... Как с Юлией-то дела?

– Да как обычно, мама... Все, побежал – ждут.

Эх, не хотел Михайла этого разговора! О нем самом, о жизни его... о личной жизни. Понятно, мать хотела оженить сына... И кандидатуру Мишиной зазнобушки Юльки в этом плане воспринимала как-то не очень. Ну кто она такая? Лекарка... Еще и кочевряжится – «думает»... Не-ет, не такая невеста нужна, не такая... А какая? Ну нет здесь на примете подходящих дев. То есть девы-то есть, и красавицы писа-

ные... Только вот – незнатные. А зачем бояричу такие? Разве что Красава, Нинеина внучка...

Именно так, прощаясь, думала матушка – и Миша это прекрасно знал.

Перед баней Миша все же нашел немного времени, заглянул к Юльке. Домик тетки Настены-лекарки – матери Юльки – стоял на отшибе, за пределами защищающего село тына. В низине возле реки, окруженный деревьями, с дороги он был совершенно незаметен. Настена всегда жила одна, и от кого прижила дочку – никто не знал. У ведуний, у лекарок всегда так. Такая уж традиция, чтоб ее...

– Здрава будь, Юля! – Зазнобушка копалась в огорожке, и сотник заметил ее еще издали. Спешился, привязал коня к изгороди... и невольно залюбовался девушкой: ловкой, стройненькой, изящной, как солнечный лучик! Уж конечно, по здешним меркам подобная стройность почиталась за худобу и красотой никак не считалась... А вот в Царьграде – да! Там именно такие девушки и ценились – аристократические «фам рафинире», на каких посмотришь и скажешь словами Александра Вертинского, великого русского актера и шансонье: «Вас воспитали чуть-чуть по-странному, я б сказал – европейски: фокстрот и пляж».

Ну, к Юльке ни фокстроты, ни пляжи не относились. Остро чувствуя свое предназначение, девушка всегда была в работе, лечила, заговаривала и отворяла кровь, многих просто

спасала от лихоманки. За то ее и ценили в Ратном. Как и Настену.

Нет, ну право же, красива! Экая стройняшка. Тонкий стан, закатанные рукава, подобранный выше колен подол не скрывал стройные бедра. Забранные широкой лентой волосы падали по плечам... Чувственные розовые губки, большие, с поволокой, глаза, личико и тонкая шея тронуты первым загаром...

– Ты что так смотришь? – Юлька, наконец, оторвалась от грядки, выпрямилась.

– А что, нельзя? – улыбнулся сотник.

Девушка пригладила волосы:

– Да ведь ты так смотришь, что даже не знаю... можно ли или нельзя?

– Как «так»-то?

– Да вот так!

– Юль... у меня дело к тебе, – молодой человек хитро прищурился и схватил подошедшую к забору девушку за руку. – Очень-очень важное дело.

– Да сейчас работы полно! И в огороде, и вон... сейчас тетка Гастела внука своего приведет – клеща выковыривать буду.

Юлия вроде бы как отпрянула... но руку из ладони парня не выдернула. Миша чувствовал, как билась под тонкой нежною кожей жилка... и сердце его тот час же забилося вот так же – в унисон!

– Так ты что спросить-то хотел?

– А?

– Ну, говорил про какое-то дело...

– А пойдем вечером погуляем! – без всяких реверансов рубанул сотник. – Там, у реки, говорят, так соловьи поют – заслушаешься.

– Соловьи – это хорошо, – пушистые девичьи ресницы дрогнули. – Но...

– Не пойдешь?

– Почему? Пойду. Только давай не сегодня. У нас тут с матушкой... дело одно... Давай завтра!

– Ага... – тут Миша вспомнил про баню. Мало ли, может, и до поздней ночи затянется... Не сама банька – совет.

Просторная банька Сучка, естественно, топилась по-черному, по-иному тогда в банях и не признавали. С трубой – что за жар? Нынче натопили на совесть – камни от жара трескались. Миша пар любил, но не вот этот вот, когда уши в трубочку сворачиваются... особенно когда Андрей водицы на камни подбросил. Целый корец! Вот паразит же!

– Эй, эй, – молодой наставник Мирон замахал руками. – Ты что, друже, уморить нас хочешь?

Немой в ответ оскалился, замычал да потянулся за веником. Веников тут запарили много – дубовые, березовые, вересковые – на любой вкус, парься – не хочу. Вот и Андрей взгромоздился на полку да принялся охаживать себя по спи-

не. А весь жар-то – на Мишу с Мироном. И вот же черт – на улицу-то выбежать вроде б как стыдно! Хорошо, Немой первым выбежал – с разбега сиганул в реку, в омут, возле которого баньку и выстроили. Нырнул... вынырнул – поплыл, улыбаясь. Хорошо!

Хорошо – дверь за собой не прикрыл, воздух вечерний в баньку зашел – все полегче. Тут и остальные гости пришли – дед Корней, Аристарх-староста, а с ними и хозяин, Сучок – Кондратий Епифановича.

– Здоров, внучок! – дед быстро скинул одежду. – Что это вы тут сидите, мерзнете? А ну-ко, Мишаня, поддай-ко! Эхх... вот ведь славно-то!

– А говорят, в иных местах такой бани не ведают! – прикрыв за собой дверь, староста Аристарх тоже схватился за веник. – Как там, Миша, в Царьграде-то? Бани-то есть?

– Да есть, рассказывал же. Правда, не такие...

– А какие?

– Потом расскажу... Мирон, друже, идем-ко – кваску...

– Слыхал, Аристарче? Кваску им! – бросив веник, расходотался дед. – Еще и не погрелись-то.

Про царьградские бани сотник нынче так и не рассказал. Не успел – беседа пошла иная, серьезная. Воеводу и старосту интересовало все: кто напал, что пожгли, какие вообще убытки – слухи-то по селу расходились быстро.

– Рыжий твой, говорят, всех там расспрашивал. И девка

еще, как доска – плоская.

– Войша, Унятина внучка, – пояснил староста Аристарх. – Ну, того, что без руки. Юлька выходила.

– А, того, что с выселок! – Мирон покивал и потянулся к кружке – все никак не мог напиться после парной. – Изба-то у них справная.

– Да там не изба – там хоромы цельные, Егор-то – хозяин. Ни своим, ни дворне спуску не дает. Вот и в прибыли.

Староста захохотал, почесав округлый, поросший седоватым волосом живот.

– Так что, Миша, скажешь? – напомнил дед.

Сотник рассказал, как было. Вернее, как он полагал, что было. Всю информацию, и даже мысли свои изложил. Тут вместе и думать стали...

С тем, что в само Ратное лешаки не полезут, были согласны все. Как и с тем, что и на покосе, и на пастбище имели место диверсии, а не странное стечение обстоятельств. Мужики-то в бане собрались мудрые и многократно битые жизнью – в пустые совпадения не верили напрочь и со всеми Мишиными доводами согласились вполне.

– Рога да хвост – это шноровку так, – хохотнул староста. – Чтоб подумали, вроде как – черт!

Дед Корней согласился:

– Да уж, хвост да рога прицепить недолго и большого ума не надо. А вот тот, что на пастбище был, – хитер. Ишь ты, ни пес его вовремя не почуял, ни пастухи не заметили.

– Так, может, и не было никаких лешаков, Корней Агеич? – вдруг усомнился наставник Мирон. – Один пастушонок утоп, второй за ним побегал – хотел помочь, вытащить... Тем временем стадо в болото ушло, увязло... Вот пастух и испугался, убег. До сих пор по лесам хоронится. Так ведь тоже может быть, а?

– Может, – неожиданно для всех сотник подлил масла в огонь.

Хитрый Миша прикинул – чем больше версий будет предложено и разбито, тем лучше, тем быстрее все приблизится к истине – на то он и «мозговой штурм»!

– А ну, деда, найди-ко тут изъян? Почему могло быть... да все ж таки не было?

– Да вот потому! – воевода отозвался с азартом, да и все остальные засверкали глазами – интересную вещь придумал Михайла. Кто кого переспорит, фактами перешибет.

– Ну, во-первых, с чего бы коровы в болото ушли? – начал перечислять Корней Агеич. – Что они, дуры, что ли? Да и пес не пустил бы...

– Так пса же...

– О! Вот он – первый изъян! – дед поднял вверх указательный палец. – А вот и второй. Отрок-то, пастушонок, ну, который не утоп. Ты, Мирон, говоришь – испугался, сбежал, хоронится где-то. А где? Что-то младшая стража о нем не докладывает, а они ведь по всему лесу, по границе всей. Не докладывали ведь, а, Мишань?

– Нет, – сотник отрицательно покачал головой.

– Да и одному в лесу... Чего жрать-то? Разве что ягоды...

– Ну, огниво-то у пастухов имелось, завсегда можно костер разжечь.

– Ага! И попасться – дым, пламя...

– Ну-у...

– Да и зверья дикого в лесу полно. Медведи, волки... Так-то они к людям не подойдут, но к одинокому отроку... Чего б его и не прибрать-то? Не-ет, господа мои, в болотине второй отрок. Вместе с собакой и коровушками.

– Да и лешака с хвостом и рогами все-таки видели! – поддержал приятеля староста Аристарх Семеныч. – Не просто ж так он там объявился, на покосе-то.

Так вот, в споре, и пришли к выводу: считать, что лешаки были и диверсии учинили. И поджог, и убийство отроков, и загон скота в трясину – их подлых рук дело. Даже Мирон с этим всем согласился. А вот зачем это лешакам надо – тут мнения разошлись.

Староста считал – из вредности. Власти твердой в землях сгинувшего боярина Журавля нет, вот и озорничают – отбились от рук.

Тут, впрочем, возразил дед:

– Озорничают? Ишь ты, озорники... Делать им больше нечего. Не-ет! Ясно – подбил кто-то, деньгу хорошую дал или еще чего обещал. А значит, человек этот богат и при власти.

– А мы ему зачем?

– А вот тут всяко может быть. Может, и ни зачем – из зависти просто. А может – дело хуже! Может, задумал сей гад нас всех, ратнинцев, навеки извести! Чтоб и не было. Уж больно независимы мы. Сильны, богаты...

Вот тут все замолчали. Мишу тоже проняло – а ведь по большому счету прав дед. Ой как прав! Извести хотят... кто только? Ладно, найдем, визнаем...

Дискуссию прервал Немой: замахал руками.

Наставник Мирон засмеялся:

– Эвон, баня-то остыла вся! А ну-ко...

После второго захода перешли ко второму вопросу: что делать? Как вражин выявить да выловить?

Тут уж поначалу Михайла солировал: надо, мол, подставить, организовать что-то такое... что бы выглядело неохраняемым, но с уничтожением сего причинился бы большой ущерб.

– Непонятно говоришь, Миша, – посетовал дед. – Однако я-то тебя понял.

– И я понял, – староста Аристарх повел плечом. – А ну-ка, Мироне, поддай... Ага... Ухх! Так вот – чего тут непонятного? От, к слову, Корней Агеич пасеку расширять собрался... Вот пусть на выселках и расширит. Подале от завидующих глаз!

– Чего? – не сразу понял воевода. – Это мне – да на вы-

селки?!

– Ну да, – Михайла тут же закивал, пряча довольную усмешку. – Тебе, тебе, деда! На выселках ульи поставим... амбар – вроде как с медом да воском... Недешевый товар!

* * *

«Шустрых» девчонок сотник решил проинструктировать лично. Собрать всех в тайности, на дальнем лугу. Вроде и пустой лужок-то – а никто чужой не забредет, по всем кустам – стража. Известить девушек Миша поручил человеку проверенному, умному и ни в коем разе не болтуну – Ермилу.

– Как будешь действовать – продумай сам, но чтоб ни одна живая душа не знала, не ведала, что это я их зову.

– Хорошо, господин сотник. Сделаю.

Иного ответа Михаил и не ждал. Знал, еще по Царьграду, а впрочем, и не только – уж кому-кому, а Ермилу из рода старого Хотобуда можно поручить самое ответственное дело. И результат будет такой, какой надо.

– Разрешите идти, господин сотник?

– Что ж, Ермиле, ступай. Вернешься – доложишь, если что не так.

Четырнадцать лет минуло Ермилу. Смуглый, жилистый, тощий. Узкое лицо, обрамленное длинными темными волосами, делало паренька похожим на список с какой-нибудь ромейской иконы. Держит себя спокойно, перед началь-

ством не заискивает, не суетится. Серые глаза смотрят повзрослому, цепко. Сам – из Нинеиной веси, последыш после знаменитого моря, когда весь вымерла почти полностью – и никакие ведьмины потуги не помогли. Дружок Ермила – Велимудр, Велька, – кстати, тоже из тех же краев...

Из прежних «шустрых» девиц (как называл их Миша) остались лишь три подружки-хохотушки – Ладислава, Добромира, Любава, они же – Евдокия, Ирина и Ксения. Ну, это если по-христиански, здесь, в глуши, еще сильны были старые верования и те, кто их яростно исполнял – та же Нинея Всеславна. Подружки же старых богов не любили – страшные все, корявые, еще и жертвы им приносить нужно, задабривать. Ишь, погань какая! Куда уж лучше добрый и всепрощающий Иисус! Тем более на иконах да на распятии он весь такой красивый-красивый...

Еще с год назад, выбрав в качестве «информационного оружия» молодых незамужних дев, Миша преследовал несколько целей. Во-первых, на них было легче влиять. Господина сотника они просто боготворили, слушали с благоговением и все поручения исполняли если и не в точности, то уж со всем своим прилежанием.

Во-вторых, девушки имели куда больше влияние на молодежь, нежели, скажем, жена старосты и прочий пожилой «женсовет»! Да и что и говорить – Миша и сам иногда заглядывался на симпатичных девушек-хохотушек, что он, не человек, что ли?

А подружки-то все разные, всякая на особицу красива! Ладислава, в крещении Евдокия, – статная, черноглазая, чернобровая, сильная. Врежет кулаком промеж глаз – мало не покажется! Некоторые из младшей стражи – тому свидетели... пробовали... получали... Добромира, в крещении Ирина, – маленькая, худенькая, выглядевшая куда младше своих пятнадцати лет. У нее даже и грудь еще не выросла, не оформилась, волосы темно-русые, остричь – вылитый мальчик.

А вот Любава, в крещении Ксения, – пухленькая, остроглазая, глазками так и стреляет, ну, такой себе живчик – ни секунды спокойно не посидит!

И все эти девы одно дело делали, иногда – под присмотром старшего писца Ильи, а чаще – по поручению самого сотника...

* * *

В село отрок пошел пешком, хотя мог бы и верхом отправиться. Да только верхом – лишнее внимание. Куда поскакал, зачем? А-а-а, это ж из младшей стражи урядничек! Видать, Миша-сотник послал по какому-то важному делу. По какому? Куда поскакал, у чьего двора спешился?

Не-ет, конь в таком деле – помеха.

А так... идет себе отрок, весь из себя задумчивый... в церковь, наверное, куда же еще? Ермил-отроче – известно всем

– набожный, да еще и книжник. Вот как свободное время выпадет – так и ходит в задумчивости, даже девок, бывает, и не заметит, хотя они-то к нему льнут.

О! У колодца уже собрался «женсовет» – тетушка Варвара, Марья и прочие... ага, и тетка Алена здесь – голос зычный издалека слышать.

– Будьте здравы, хозяйюшки, – проходя мимо, отрок вежливо поздоровался, кивнул.

Женщины повернулись:

– И тебе здравия, отроче! Видно, от службы ныне свободен. Поди, в церковь?

– Туда тоже зайду, – иконописное лицо Ермила озарилось улыбкой. – Да и так пройтись – в радость. Бывайте, хозяйюшки.

– И тебе не хворать.

Пошел Ермил дальше, не торопясь, да что-то под нос себе нашептывал, верно – молитвы читал или вспоминал-пересказывал какую-то ученую книжицу.

Тетушки проводили его взглядом аж до самого поворота – ну да, к церкви...

– Сурьезный отроче, – шмыгнув носом, одобрительно покивала старостиха. – И набожный. Вот повезет кому-то с зятем.

– Так им, в младшей страже, жениться покуда нельзя, – авторитетно заявила Алена. – Хотя их ведь и этому учат.

Марья хмыкнула:

– Эт мы знаем. И Ермила этого знаем немножко. Парень сурьезен, пригож. Одно спрошу – избу он сможет поставить? Или, там, забор, баньку сложить?

– Ну-у, один-то навряд ли. Так и наши-то мужики...

– Ему избу ставить не надо – на то, чай, плотники есть.

– Так что ж он, не рукастый?

– Зато мозговитый, ага.

– А вот что лучше, бабоньки, – рукастый или мозговитый?

– Ну-у... что и сказать, не знаю! Хорошо ж так, всего понемногу... Неплохо б и чтоб на лицо пригож был!

– Да парень ж не девка – с лица воду не пить!

– А мне темненькие не по нраву. Я светлоликих люблю!

– Знаем, знаем, кого ты любишь!

– А что это вы знаете? А? Наболтали уже? Мхх...

– Та-ак! Марья, положь коромысло!

– Тетка Алена, отстань!

– Кому сказала – положь!

В церковь Ермил заглянул ненадолго. Пообщался с отцом Симоном, помолился да поставил две свечки за упокой рабов Божьих Варвары и Пресмысла, в крещении – Павла. Пуще всего было жаль Варвару. Хоть она и из гулящих дев, а добрая была и такой лютой смерти не заслужила... Эх, Константинополь-Царьград... Сотник до сих пор переживает, себя корит – видно...

Уже вовсю разгорался день, теплый, летний, никто празд-

но по улице не шатался. Кто на покосе, кто в полях, кто на усадьбе – все по хозяйству, да мало ли дел? Летний денек год кормит – такое присловье было.

Обойдя выросшую на перекрестье улиц березу, Ермил по-дошел к полуоткрытым воротам, заглянул во двор:

– Здрав будь, дед Титок. Все ли по добру?

– Твоими молитвами...

Возившийся у коновязи дед лишь оглянулся, не отрываясь от дела. Что-то там подвязывал, ремонтировал...

– Ладислава-краса дома ли? Мне б на пару слов... Яблочный спас скоро – уговориться бы.

– Ну-у, скоро – сказанул... Хотя... как посмотреть.

Присвистнув, дед махнул рукой:

– На гумне Ладислава твоя... Или на риге – молотит...

– Так я пройду... ненадолго.

– Ну, коль ненадолго – пройди... Погодь! Пса приберу... Карай, Карай... свои.

Гроыхнул цепью здоровенный кобель бурой, с желтыми подпалинами, масти. Заворчал, покосился на чужака, однако ж не лаял – хозяин-то вот он, рядом.

– Эвон рига-то, за птичником, за амбаром...

Пройдя по двору, отрок свернул за амбар и увидел просторный молотильный сарай – ригу – с распахнутыми настежь воротами. Из сарая доносились ритмичные звуки... будто кого-то били, этак невозмутимо мутузили...

– Х-хэк!

Ах, как Ладислава управлялась с цепом! Не хуже иного мужика. И вся из себя – сильная, статная. Грудь – ого-го! Мускулы так и ходят...

– Здрав будь, Лада.

– А-а-а! Ермиле...

Девушка была в одной рубашке с подвернутым выше колен подолом... да тонкая льняная ткань и так почти ничего не скрывала. Вот и отрок невольно залюбовался...

– Слюни-то подбери, – поведя черной бровью, беззлобно хохотнула красавица. – Коли пришел – срочное что?

– После вечерни – на дальний луг, – оглянувшись по сторонам, Ермил понизил голос. – Ну, там, где чучело по весне сжигали. Господин сотник ждать будет.

– Приду.

Похожую на мальчика Добромиру отрок отыскал на мостках – девчонка стирала белье и тоже разделась – в одной рубашке. Маленькая, стройненькая... темно-русая коса с вплетенной красной лентой – ишь ты, жених уже есть! Ермил невольно улыбнулся – гляди-ка, титек почти нет, а жених уже есть! Быстро девки растут. Одна-ако...

– На дальний луг? А, где чучело сжигали... Приду.

– Корзинку-то тебе не помочь донести?

– Корзинку-то? – девушка улыбнулась, щурясь от яркого солнца. – Не-е... Есть кому помогать.

Ну, понятно – коли лента в косе... Жених! Оттого, видно,

Добромира такая улыбчивая.

Пухленькая востроглазая Любава встретила Ермилу у пристани – спешно бежала к рядку, как тогда называли небольшую торговую лавку.

– Ой, Ермиле, здрав будь. Как там господин сотник? Небось не зря прислал? Небось понадобились? Ой, а я все такая заработанная, такая, что ой прям... Говорят, ладьи должны вот-вот подойти. Из Киева, а то – и из самого Царьграда. Вот я и бегу... пироги, квас... да мало ли чего тем корабельщиком надо? Все продадим, пусть только купят! Ах? Что-что? На дальний луг... где чучело... Конечно, приду! Сам господин сотник зовет – чего же не прийти-то? Не-не, с делами пока братец управится, он у меня востер, не смотри, что двенадцать осенью только. Хочет в младшую стражу. Возьмут, как мыслишь?

– Мыслю, возьмут, – прощаясь, улыбнулся отрок.

У этой ленты в косе не было – наверное, женихи еще только намечались. Да и такую болтушку замуж... ой-ой-ой!

* * *

– Скажете всем, как бы между прочим, мол, воевода Корней Агеич хочет пасеку свою расширить, для чего в васильковском урочище землю расчистил уже. Не сам – люди его, холопы да закупы. Ульи поставит, начнет свечки лить.

Как всегда, Михайла проводил инструктаж быстро и чет-

ко. Как в армии. Девушки благоговейно внимали, знали уже – перебивать сотника не полагается, а все вопросы – потом.

– Охраны пока что там почти нет, так, пара отроков из челяди. Так и что охранять-то? Однако – это отдельно отметить, – мол, люди видели, как два воза с воском со старой пасаки воевода туда пригнал – для свечек. Еще уже и улы за-вез и кое-что построил. Так что вообще-то – есть чего охранять. Вдруг да кто пограбит, пожжет? Оттого воеводе большой убыток будет. На это и напирайте. Понятно ли все, девоньки?

Чернобровая Ладислава махнула рукой:

– Да, господин сотник, понятно. Сегодня у колодца о том разговор и затеем. Ну, когда народишко подойдет...

– Молодцы, – одобрительно покивал Михаил. – Правильно.

– На околице, на посиделках, вечерком – там тоже будем, – худенькая Добромира закинула на грудь косу – словно бы невзначай, – чтоб все видели ленту!

– А еще в церкви, на вечерне... не на самой вечерне, там батюшка, а и до, и после, ага, – затрещала Любава. – И я еще на покос сбегая – родичей проведать...

– У Архиповых нынче беседа, – припомнила Ладислава. – Хозяин из Турова вернулся, всех на беседу зовет. Вот и мы заглянем.

Вернувшись к себе на базу, Миша вызвал Илью, и оба тот-

час же занялись «газетой». Именно так Михаил гордо именовал небольшой – размера А3 – информационный листок, нечто среднее между армейским «боевым листком» и стенгазетой. Первый номер, выпущенный дней десять назад в количестве пятидесяти пяти экземпляров, произвел небывалый фурор не только среди жителей Ратного, но и среди соседей, и даже среди проезжих корабельщиков – на лады «газету» занесли тоже. Название придумал лично Миша, простое и без всякого выпендрежа – «Летопись Погорынья». Чтоб не только ратнинцам было интересно читать. Сотник давно уже не удивлялся тому, что грамотных людей в это, казалось бы, дремучее время было не так уж и мало. Конечно, не среди воинов – больше купцы, мастеровые и церковные деятели.

В первом номере печатали прогнозы на новый урожай, кое-что из агрономического труда Колумеллы, очерк о Царьграде и все местные новости – про купцов, про озимые, ну и – на обороте – кто с кем подрался-помирился-поскандалил. Именно с оборота «газету» обычно и начинали читать, в охотку обсуждая все сплетни.

– На обороте про дальнюю пасеку и напишем, – разложив на столе берестяные «статьйки», прикидывал Михаил, исполняя обязанности верстальщика. – Вот, между «пегая корова едва не забодала мальчика» и «ссора из-за старого венника». Кто там хоть ссорился-то?

– Да девицы две, Палашка с Евдоксей, – старший писец Илья потербил бороду и улыбнулся. – Да там не ссора была,

а целая драка! Носы друг другу расквасили. Ругались, ругались, потом Палашка – за кочергу... Ну, а Евдокся – девка справная, кулак что моя голова! Да девок этих все Ратное знает... и в Нинеиной веси...

– Знают – значит, прочтут. Вот, перед ними и про пасеку...

– Сделаем... Михаиле... – вдруг замялся Илья.

– Ну? – сотник поднял голову. – Говори, говори.

– Мы нынче с обратной стороны начали. Вроде все подобрали... А что на первой-то стороне будет?

– Хм... – Миша задумался. – О школе девичьей можно. Что у них там за занятия да кто ведет. Ну, чтоб слухов разных не было. Еще про Царьград можно. Про Туров – мол, князь охоту устраивает.

– А он устроит?

– Устроит. Не сейчас, так позже. Как без охоты-то?

* * *

Дальнее урочище – овраги, буераки да дикий – с буреломами – лес – на первый взгляд, не очень-то располагало к пчеловодству. Однако кроме непроходимой чащобы да болотины, по берегам впадающего в Горынь ручья зеленела веселенькая травка, во множестве росли лесные фиалки, ромашки, купавницы, пахучий иван-чай и сладкий розовый клевер. Другое дело, что добраться сюда было трудновато – по уз-

кой охотничьей тропке, что шла от полузаброшенной деревни Васильково. И так-то деревушка – три дома, а уж после мора и вообще одна усадьба осталась. От Василькова до урочища – верст пять, и те – по самой неудобности. На телеге никак, только пешком да верхом... или сани-волокуши – две привязанные к лошади жердины с настилом, волочившиеся прямо по земле сзади, – такие сани использовали круглый год, по грязи, да по траве, да через неглубокие ручьи – милое дело!

На таких вот волокушах и доставили в урочище все необходимое для засады. Ульи, доски – наскоро сколотить сарай, чаны, корзины да большие корчаги для воска и меда. Даже немножко пчел взяли, уж пришлось уломать деда Корнея. Ну а как же! Не считать же врага глупее себя. Чай, не дурни – прежде чем напасть, присматриваться будут... а какая пасека без пчел?

Еще взяли припасы на пять дней и дюжину воинов. Для засады – с избытком, лешаки во множестве не являлись: один-два, много – пять. Подберутся незаметно, натворят дел и тут же скроются, растворятся в лесной чаще – ищи их, свищи.

Воинов сотник выбрал самых проверенных, которых хорошо знал и доверял лично – из «царьградцев».

Десятником – Архип, жилистый, коренастый, замом – друг его закадычный Трофим, высок, сухопар даже, однако ловок, силен. Они – самые старшие, опытные, оба в Киеве

зимовали, кода искали пропавших дев. Нашли! Сами, без всякой указки сотника. С ним тогда и Ждан был – вот он и здесь, а с ним – приятель. Дарен, которого когда-то предателем Жердьяем заменили. Ну и дальше – знакомые все лица: златокудрый красавец Велебуд, парень серьезный, дошный, даже, пожалуй, слишком. Любое дело доведет до ума, да не раз еще уточнит, переспросит. Недаром Михаил его в десятники прочил – по осени можно будет еще один младший десяток набрать... Чернобровый и черноокий Златомир, верный, упертый. Чего захочет – добьется обязательно... Кареглазый блондин Вячко, один из лучших в стрельбе. Из арбалета белку в глаз бьет. И – по-простому, и с прицелом, что Кузнечик сделал. Ну и Велька с Ермилом – как без этих-то? Если уж кому и доверять... Еще одного паренька не из младшей стражи взяли – костлявого неприметного Ратко, вечно угрюмого охотника-молчуна с дальних выселок. Ратко – местный, с Василькова, – все стежки-дорожки здесь знал. Ну и – Добровая. Эта сама напросилась – кто да куда и зачем идет. Смекнула, да сразу к сотнику. Мол, если уж засада, так как это так – мирные люди, пасечники, и без женщин вообще? Подозрительно это.

Подумал-подумал Миша да махнул рукой. В конце концов, лишней не будет – вон как ногами управляется, не хуже, чем заправский каратист... Да и варить-кашеварить кто-то же должен. Тем более на такую-то точно никто не польстит-ся, даже известные бабники – Златомир с Вячко. Так и слу-

чилось: оба, как на Вою взглянули, так поперхнулись и старались близко не подходить. Впрочем, девушка держала себя скромно, с достоинством: и кашу варила, и всю мужскую работу наравне со всеми делала. А работы было много: сколотить-поставить сарай, устроить шалаши, расставить ульи, устроить коновязь, забор опять же, с воротами – что сложилось полное впечатление, что все здесь делается всерьез и надолго.

Воины четко следовали всем инструкциям сотника. Ходили в «гражданской одежде» – рубахи, порты да кожаная обувь на ремнях – поршни. Никаких наборных воинских поясов – кушаки узорчатые. Так же по первости обрядилась и Добровая, однако Михайла строго погрозил ей пальцем да отправил домой – за платьем хорошо, выехать еще не успели.

– Сама ж сказал – подозрительно будет без женщин. Так что самую красивую свою одежду возьми. И это... косметику не забудь тоже.

– Что не забыть, господин сотник?

– Ну, это... румяна там, белила... Тебе лучше знать.

Работали целый день – упарились к вечеру, устали, как черти, но все основное сделали. Осталось лишь доделать забор и ворота. Частокол решили не ставить – слишком уж хлопотно, вместо него сладили плетень. Издалека – да и вблизи тоже – все уже смотрелось как обычная пасека в богатой усадьбе. К встрече врагов все было готово, теперь лишь оста-

валось ждать.

Оружие провезли тайно, в мешках – кольчуги, мечи, рогатины, арбалеты – ну, как же без них! И запас болтов – стрел. По дюжине выстрелов на каждый. Щиты взяли «нурманские», круглые – такие удобней в лесу, нежели тяжелые миндалевидные «ромейские», за которыми только прятаться можно. Впрочем, под каждый щит – своя система боя. Под «нурманский» – одна, под «ромейский» – совсем другая.

Пока занимались работой, Ермил с Велькой занялись прицельными метками – там кору с приметной елки содрали, веточку сломали на клене, камень перетасили чуть-чуть... Каждый уже знал свою дислокацию, особенно – на ночь. Дежурить стали по очереди, шесть на шесть. Хоронились в буреломах, в кустах, в овражке – там целых двое. Именно оттуда лешаки, скорее всего, и могли явиться. Если они вообще придут.

Придут, придут! Слишком уж лакомый кусочек для очередной безнаказанной «проказы». Обязательно придут.

– Войша! Смотри, чтоб завтра утром нарядилась. Чтоб вся из себя была!

– Слушаюсь, господин сотник.

Первая ночь прошла спокойно. Впрочем, Михайла спал неполглаза, как когда-то на корабельной вахте – да, да, бывало, и там вздремнешь. Утром встал первым, умылся у ручья...

– Похоже, нет пока супостатов, господин сотник, – подойдя, склонился над ручьем десятник Архип.

Миша обернулся:

– А я так полагаю – здесь они уже. И внимательно за нами наблюдают. Так что всем скажи, чтоб не расслаблялись.

– Сказал уже.

– Добро. Собери всех. В караул днем и троих хватит. Остальные... – сотник ненадолго задумался. – Остальным я скажу, что делать.

За сараем собрались все, кроме вновь выставленных часовых, возившегося с ульями и пчелами Ратко и Добровой, по приказу командира наводившей красоту в шалаше.

– Ермил, Велимудр! Громко собираетесь на рыбалку. Чтоб слышно было на весь лес. Ясно?

– Так точно, господин сотник!

– Пройдетесь вдоль ручья, опять же – громко. Пусть вас слышат. Наблюдайте, осмотрите все берега. Вперед!

– Есть!

– Так... – Михайла подозвал охотника Ратко. – Как там с пчелами?

– Славно все, господине. Жужжат.

– Тогда – на охоту. Возмешь с собой... кто там у нас поголосистей будет?

– Так у Вячко язык без костей!

– У кого без костей?! А вот у тебя, Ждане...

– Упокоились оба! Значит, Вячеслав. Пойдете на охоту с Ратко. Овраг, буреломы – все на ваш глаз. И тоже громко!

– Громко не выйдет, господине, – неприметное, несколько осунувшееся лицо охотника озарилось легкой улыбкой. – Дичь шума не любит. Да и эти... сразу поймут.

– Понял... – сотник покивал. – Собираетесь громко. И тихо уходите.

– Есть!

– Архип – с остальными. Потихоньку тут колупайтесь и будьте готовы ко всему.

– Ой! – урядник Ждан, сидевший на корточках прямо напротив Миши, удивленно хлопнул глазами. Лица всех остальных вытянулись...

Сотник тотчас же оглянулся... и едва сдержал смех!

Девушка Добровая дотошно исполнила его приказ. Накра-силась, да так, что...

– К лошадам только близко не подходи, Воя, – мимоходом бросил Вячко. – Напугаешь к ляду всех!

Все грохнули хохотом...

Добровая обиженно закусила губу...

– Отставить смех! – подойдя к девушке, Михайла взял ее за руку. – Молодец, Войша. Все правильно сделала. Теперь издалека видать – есть тут у нас дева-краса!

И впрямь, издалека видно! Только вот насчет красоты... Плоское лицо Добровой казалось посмертной маской от неумело наложенных толстым слоем белил. Яркие красне-

ли румянами щеки, а подрисованным сурью бровям позавидовал бы и сам Леонид Ильич Брежнев! Что ж, девушка постаралась на славу. Уж как смогла...

– Войша – к костру. Управляйся – пусть видят. Песню какую-нибудь знаешь?

– Ой... господине... Да не умею я петь!

– А петь тебе и не надо. Напевай! Ну там... ля-ля-ля... Только громко и весело!

– Добро... – девушка со вздохом кивнула. – Попробую и громко, и весело... Только лошади бы не разбежались, ага.

Миша довольно прищурился: а она и впрямь молодец! С чувством юмора. Вот уж не ожидал.

Между тем все шло по плану.

– Эй, а крючки где? Мы что, крючков, что ли, ставить не будем, а? – сверкая рыжими вихрами, голосил Велька. – А сеть? Сеть ты не забыл?

– Сеть? Так ты ж ее и забыл! – Ермил отвечал столь же громко. – Ты ж собирался брать. И вот... Хорошо, голову не забыл.

– Я забыл? Я?

Тут и «охотнички» подлили масла в огонь. Вернее, «охотничек» – Вячко:

– Ай, вай, стрелы-то – что? Вдруг да белка? Чем бить будем? А, понял, белок не берем. Только дичь. Эх, коли повезет, так и тетерева запромыслим!

– Идем уже... тетерев.

Гомон стоял, что надо, на всю округу, глухой не услышит!
И тут еще от костра слышалось нечто ритмично-гнусавое:

Дождь, дождь
На бабкину рожь,
На дедову пшеничку
Да на девкин лен
Поливай ведром!²

Вообще-то, по большому счету Михаил Андреевич Ратников к музыке был равнодушен. Нет, на танцы-то в свое время хаживал, и даже битловскую «Облади-облада» иногда напевал – ее как раз на танцах-то играл местный ВИА. Ну а чуть позже свой вклад внес и Коля, судовой радист-«маркони». Миша особо-то с ним не корешился, но все же на одном судне ходили. Выпивали под музыку из Колькиного «Шарпа», под всякие там «Бони-М» да «АББА».

Впрочем, то, что сейчас выкрикивала Добровая, пением назвать было нельзя. Скорее – рэп, этакий бодрый речитативчик:

Дождь, дождь
На бабкину рожь...

Что ж, наверное, кому надо – услышали.

---

² Цитата по книге Г. С. Беляковой «Славянская мифология» («Просвещение», 1995).

После полудня явились с докладом рыбацки-охотнички. Следуя всей серьезности дела, сотник заслушал отдельно каждого – вместе-то не хочешь, а соврать можешь, этак для красного словца.

– Ну, обычно все, – поплевав на ладони, рыжий Велька пригладил вихры. – Ручей как ручей. Ну, трава намята – так звери на водопой ходят, бобры, лоси... Рыбаки тоже заглядывают – чужие верши приметили.

– Рыбаки, говоришь? Ага...

То же самое подтвердил и куда более серьезный Ермил. И про намятую траву, и про верши – так в Погорынье называли рыбацкие сети.

– А так, господин сотник, да – ничего такого. Никто за нами не следил, в лесу никого не видели. Разве что верши...

– А что с ними не так? – насторожился Миша.

– Да вроде все так... – отрок задумался, почесал заросший затылок. – Но больно уж их много.

– Много... Много – не мало. Поглядим.

Выслушав «рыбачков», сотник задумчиво пожевал сорванную травинку. Ну и что с того, что сетей много поставили? Он что – рыбнадзор, что ли? Значит, есть в ручье рыба – и много.

– А рыбы-то наловили много?

– Да уж немало, господин сотник, – хмыкнул Ермил. – Только рыба-то – сорная почти вся. Окунье, уклеики, подле-

щики... Налимов – и тех мало, да две форельки всего.

– А сети-то эти далеко?

– Да далече, в заводи. Верст... пять... – подняв к небу глаза, отрок прикинул расстояние. – Нет, шесть все-таки. Да – шесть.

– Ладно, добро. Понадобишься – позову.

Охотники тоже ничего толкового не сообщили. Лес как лес – чужих следов не заметили. Лишь Ратко немного встревожился:

– А дичь-то здесь пуганая, господине.

– Так селенье рядом – Васильково. Да и от Ратного – бешеной собаке двадцать верст не крюк.

– Может, оно и так, – задумчиво покивал охотник. – Только больно уж хлопотно сюда переться. Болота кругом, буреломы... Одна слово – урочище! Какая тут, к черту, дичь?

– Так запромыслили что-нибудь?

– Да как не запромыслить-то, господине? – пригладив рендешку бородку, Ратко хитровато улыбнулся. – Мы охотники али кто? Двух тетеревов на стрелу взяли – здоровущие! – да рябчика... тоже немаленький – на котел. Однако ж пришлось попотеть. К Ратному ближе, чай, и побогаче леса имеются. А тут не охота, а так – тьфу! Говорю же – урочище.

Отпустив охотников, сотник уселся за сколоченным вчера сараем на старый пенёк. Здоровенный, в три обхвата – выкорчевывать его не стали, себе дороже, уж лучше использовать

как стол или верстак.

Думал Михаил недолго. Минут через пять уже подозвал Ермила... Хотел сперва Вельку – тот поэнергичнее, – да тут же и передумал, Ермил все же серьезнее, да и дотошный – до полного занудства иногда.

– Сейчас дам тебе кого-нибудь... Снова по ручью пройдемте, по тем же местам. Пусть свежим взглядом... может, чего и как.

– Понял, господин сотник. А с кем идти-то?

– А вот...

Тут взгляд сотника упал на Добровую. Девушка уже не пела, просто помешивала что-то в котле...

А что? Чем не пара? Если и попадутся кому на глаза – так просто гуляют, милуются. Парень-то с девкой! Уж чего подозрительного?

– Войша... Подойди-ка, дева-краса...

– Да, господине?

– Это вот – Еримол, ты знаешь. Ермил, это Добровая. Мало, позабыл... – пряча улыбку, сотник быстро поставил задачу. – Пройдете сейчас вдоль ручья... типа как влюбленные. Вести себя будете соответственно... Где приобниметесь, а где и поцелуетесь – не грех. На самом же деле – внимательно осмотрите все подозрительные места. Ермил – еще разок, а ты, Войша, – свежим незамутненным взглядом. Ну, что? Цели наши ясны, задачи – понятны. За работу, товарищи. Вперед и с песней...

– Господин сотник... А какую песню петь? Опять про дождик?

Вот вроде бы Добровая просто-напросто уточнила задачу, а глаза-то при этом – такие хитрые-хитрые... и улыбка по губам бродит.

– Ах, Войша, Войша...

– Шучу я, господин сотник. Шучу!

– Да ступай уж... шутница.

Спустившись к ручью, Ермил с Добровой зашагали по топкому берегу.

– Тут сыро – водица, – обернувшись, предупредил отрок.

Девушка хмыкнула:

– Ну, ясен пень! Раз уж ручей да рядом – болотина. Подожди-ко... обувьку тут оставляю...

Сняв кожаные, с ремнями, поршни, Воя оставила их у тропинки и дальше пошла босиком. Заходя в ручей, девчонка высоко задирала подол. Впрочем, Ермил этого не видел – шагал впереди. Только пару раз обернулся...

– Ой!

– Что ойкаешь-то? Девичьих ног не видел?

– Не видел, – хлопнув глазами, Ермил несколько смутился.

К его удивлению, смутилась и Добровая, старательно игравшая роль этакой разбитной девки, прошедшей огонь, воды и медные трубы.

Никакая она не разбитная! – сразу понял Ермил. Вон, покраснела уже...

– Ты это... как устанешь – скажи.

– Ясен пень... Да еще поглядим, кто из нас раньше устанет!

Так вот дошли до примятой травы...

– Водопой, – пояснил отрок. – Вон, видишь, на том берегу кусты да травница смята.

– На обратном пути поглядим, – хмыкнув, заявила дева. – Давай, веди к вершам.

– Ну, до них версты три еще...

– Добро... Руку дай мне!

– Че-го? – Ермил немного опешил. Нет, девчонки на него, конечно, посматривали... Но отрок всегда был сама серьезность и на всякие глупости не отвлекался.

– Руку, говорю, дай, – зло прошептала Войша. – Больно уж чаща на том берегу густая – легко спрятаться, следить. Да и смородина там... вон ветки шевельнулись... А ветра-то нет!

– Может, птица...

– Может. А может, и нет.

Ладонь у Добровои оказалась теплой и нежной, Ермилу было приятно ее сжимать... так, слегка... чуть-чуть... Хотя, конечно, смущался, чего уж... И вот еще что показалось... что совершенно напрасно парни так вот предвзято отнеслись к этой деве... Ну да, могла быть, конечно, и покрасивше... Раз уж все так считали...

– Ну, ты это... не молчи, говори что-нибудь, – Добровая ткнула парня локтем в бок. – Вдруг да кто за нами...

– А что говорить-то? – говоря по правде, Ермил еще не очень-то знал, как вести себя с девушками. Даже на занятиях по «домоводству» смущался, вызывая веселье всех дев.

– Ну-у... я не знаю... Что-нибудь говори.

– Могу историю какую-нибудь рассказать.

– Давай! Страсть как люблю всякие истории слушать.

Чуть помолчав, отрок собрался с духом:

– Эта – греческая... Пойдет?

– Да любая пойдет, ясен пень! Говори уж.

– Был в старые времена в Грецкой земле остров Минос. И жило там чудище – Минотавр.

– Чудище с телом человека и головой быка, – перебив, с усмешкой дополнила Добровая. – Знаю я это. Читала. Не помню, правда, где. Там еще про китовраса...

– Да-а! – Ермил сверкнул глазами. – Так мы не одну ли книгу читали? В нашей же библиотеке? Красная кожа, и застежки такие...

– Верхняя западает...

– Ну да!

– Так ясен пень – это та книга и есть!

Дальше беседа пошла куда веселее – оба ж, оказывается, были книжниками! По тем временам – очень большая редкость, если ты не монах или не какой-нибудь князь.

Тут же вспомнили и Колумеллу, и Блаженного Августина

– «О граде земном и о граде Божиим», и даже Аристофана... Вдоволь посмеялись над комедией «Птицы», после чего стали относиться друг к другу с куда большей симпатией.

– Меня еще покойный отец Михаил к чтению приохотил, – осторожно ступая по топкому берегу, рассказывала Войша. – Я тогда еще совсем малой была. Потом, когда мор был, на деревню редко выходили – и я весь «Псалтырь» прочла. А когда библиотеке появилась... Не оттащить было. И посейчас.

– И меня... О! Пришли. Вон они, верши-то. В омутке, где ива.

– Вижу, ага... Проверим?

– Так чужие ж!

– Да мы просто посмотрим, и все.

Не дожидаясь ответа, Добровая подоткнула подол к бедрам и пошла по холодной водице. На середине ручья обернулась:

– Ты б порты-то снял – замочишь.

– Ну-у...

– Да шучу! Там стой. Я сама тут... Ага...

Вернувшись, девушка протянула Ермилу руку:

– Помоги... Ага...

– Что скажешь? – нетерпеливо спросил тот.

– Ты улыбайся, – девчонка растянула губы. – Мало ли, смотрят, ага...

– Понял... ты что ржешь-то?

– Больно уж улыбка у тебя... Как у лошади!

– Сама ты...

Сама ты лошадь – хотел было сказать Ермил, да вовремя удержался. Впрочем, Войша все поняла и так... Обиделась, замолчала... Потом, шагов через полсотни, все же снизошла пояснить:

– Верши слишком уж часто стоят. Рыбаки так не ставят – этак всю рыбу за один присест. А дальше что?

– Рыбаки не ставят... – негромко повторил подросток. – А кто ставит?

– Чужаки! – Добровая хмуро набычилась. – Да не случайные, а те, кто с каким-то делом пришел. Им бы хоть чем пропитаться – хоть и сорной рыбой, – а дальше и трава не расти.

– Интересная мысль, – задумался отрок. – Ну да, так и есть... наверное. Только поверит ли господин сотник? Доказательства спросит. Эх... нам бы этих чужих увидеть бы.

– Если лешаки – вряд ли увидим, – дернув шеей, девушка неожиданно улыбнулась. – Хотя... если не лениться присматриваться... Ну, пошли к тропе. Посмотрим, что там за водопой?

На взгляд Ермила – водопой как водопой. Обычная звериная тропа, которой иногда пользовались и люди – охотники, рыбаки.

– Травища какая густая, – выйдя из ручья, восхитилась Войша. – Глянь-ко, и камыши тут, и рогоз. И лютики – вон. Глянутся они мне – желтенькие такие, веселенькие.

– Веселенькие... – Ермил передернул плечом и сплюнул. – Ты не про цветочки, ты по делу скажи!

– По делу, говоришь... – голос девушки сделался вдруг тихим и серьезным. – Сам подумай – кто бы мог такую тропу намять?

– Так олени ж!

– Олени? На буреломах? В болотине? Уши мои не смеши!

– Ну-у, тогда – бобры... – неуверенно заметил отрок.

– А ты плотину видел? Или деревья погрызенные?

– Н-нет...

– То-то и оно, что нет. Значит – не бобры...

– Кабаны?

– Вот эти да – могут. Давай-ка поднимемся, поглядим...

Выйдя из ручья, подростки поднялись на пологий берег, густо заросший ивой, красноталом и вербою.

– Хороший краснотал! – потрогав ветки, Добровая одобритительно пощелкала языком. – Из такого лапти выйдут – огого! На два дня хватит. Если осторожно носить... Ага...

Девушка неожиданно насторожилась:

– Вон, на кусты глянь! Видишь?

– Ветка сломана... – сузил глаза Ермил. – Вроде как... Вроде как самострел удобно пристроить, так? Если на кабана...

– Ага! А вон и кабаный помет...

– А ветку-то ломали недавно. Излом-то – свежий.

– Да ясен пень! Надо здесь все внимательно... Так! Обни-

ми меня!

Добровая вдруг перешла на шепот:

– Быстро!

– Это еще...

Было в этот момент в светлых глазах девушки что-то такое, что напрочь отбило мысли о всяких глупостях. Не-ет, о глупостях сейчас речи не шло. Скорее – о чем-то очень серьезном, опасном... Воя явно что-то заметила... но пока сказать не могла.

Ермил неумело приобнял девушку, ощутив под тонкою тканью жаркое тепло тела... Парня бросило в жар – сквозь одежду прощупывались все косточки... позвоночник... лопатки...

И снова яростный шепот:

– Целуй!

– Я не умею...

– Я тоже. Целуй, тебе говорят!

Поцелуй неожиданно вышел жарким. Поначалу неумелый, робкий, он вдруг затянул обоих, бросил, словно в омут, в жар растопленной до углей печи! Добровая покраснела... или это были румяна?

– Все... идем... медленно... За руку возьми... вот так... Если ткну в бок – падай или беги...

Опытный воин, Ермил ничего сейчас не расспрашивал – делал, что сказано. Чувствовал – что-то пошло не так. Или, скорее, наоборот – так, как надо. Так, чего все и ждали...

или точнее — кого...

— Ты славно целуешься, славно! Хочу еще! — Добровая повысила голос до крика. Повисла у Ермила на шее, повалила, утянула в траву...

И снова шепот:

— Целуй... Все... Поднимаемся... Руку! Уходим...

— Да что там такое-то? — выйдя на берег, наконец поинтересовался Ермил.

— Они могли нас... на стрелу... — усевшись в траву, Войша, ничуть не стесняясь, натянула на ноги поршни, заплела ремни. — Вот, только что. Прямо сейчас... Слава богу, ушли. Я видела их глаза, их ухмылки. Когда мы с тобой...

— Да где же, где!

— В краснотале. Там, ближе к орешнику.

— Но я ничего...

— Ты не туда смотрел, — девушка вздохнула. — И я б не заметила. Если б просто смотрела. Но я нарочно высматривала. Ведь был приказ!

— И белил на себя ведро вылить — тоже приказ? — облегченно выдохнул отрок.

— Ну ясен пень, конечно!

— И это вот твое — ясен пень — тоже?

— Нет, — Добровая широко улыбнулась. — Это я сама додумалась. Ну, мол, люди мы простые, с выселок...

— А... а можешь больше так не говорить?

— А тебе не по нраву?

– Нет!

– Тогда не буду... Да, там, в траве... Смотри, что нашла!

На узкой девичьей ладони лежала бурая ленточка. Именно такие нашивали на свою одежду лешаки, чтоб быть незаметными в траве и лесной чаще.

Выслушав ребят, сотник не поленился, обошел всех своих людей, напомнил еще раз – как действовать, предупредил каждого. Со стороны казалось, все по-прежнему занимаются своими делами: ставят ограду, вкапывают столбы для будущих построек. Ульи же поставили еще вчера – если близенько подползти овражком, слышно, как жужжат пчелы! Миша даже не сомневался – подобрались уже, углядели, услышали...

К приему незваных гостей все уже было готово: подготовлены арбалеты с «болтами»-стрелами, мечи, рогатины. Кольчуги, щиты и шлемы – эти тоже имелись под рукой... только вот – нужны ли? Против лешаков не силой – ловкостью да хитростью действовать надо. И еще – внезапностью. Враги ж не знают, что их тут ждут, по крайней мере Мише все же казалось, что его люди ничем себя не выдали.

Что ж, коли явились вражины, так нападут не сегодня-завтра. Впрочем, скорее, сегодня – ближе к ночи или под утро – в сумерках. Могут и ночью – луна нынче полная, яркая...

– Эх, раз-два – взяли! – отроки дружно потащили только что отесанное бревно.

Наверное, Кондратий Епифанович Сучок за такой отес по первое число выдал бы, и все больше – матом. Ну, так изда-лека-то не видно – как там отесано?

– Раз-два... Понесли-понесли...

Весь вечер Миша ходил напряженный: казалось, чувствовал кожей чужие злые взгляды, ждал ежесекундно – вот-вот нападут, вот-вот просвистит стрела, найдет – обязательно найдет! – жертву. Всех ведь не спрячешь, а напасть первым – на кого, где?

Подошел к парням у ограды, напомнил сквозь зубы:

– Не стоим, не стоим, двигаемся.

В движущуюся цель труднее попасть...

Ой весна, ой весна-красна...

Кто-то затянул песню, хорошо – не строевую, не советскую – ну, о том были предупреждены.

Были-то были, так ведь парни-то молодые – по четырнадцать-шестнадцать лет всего. Ну, некоторым только – семнадцать. По здешним меркам – взрослые, а ТАМ, в будущем, – подростки голимые, никто им никакого важного дела на доверил бы!

К ночи пошел дождь, именно дождь, а не ливень – такой вот, скорее осенний даже, пусть и не холодный – теплый. Обложили небо плотные серые тучи, ветер утих, ясно стало – дождик этот надолго, уж точно – до утра. Если нападать, то...

– Приготовиться! – шепотом, по цепочке, передали приказ. Отроки напряглись – и сотник это почувствовал, тут же приказал: – Песни – продолжить.

Продолжили...

На Ивана, на Купалу, выходили девки в круг...

Смеркалось. Ожидание нападения превратилось в муку! Скорей бы... Ну, давайте же! Вот-вот... вот...

Когда совсем стемнело, Миша скомандовал отбой. Уже ясно стало – ночью никто не придет. Темно – собственной руки не видно. Враги, даже те же лешаки, – не кошки, в темноте не видят, прожекторов у них тоже нет, а факелами светить – себе дороже, это сразу – на стрелу.

Сейчас не пришли, значит, не ночью... значит, под утро явятся, лишь начнет светать.

– К утру всем быть наготове!

Уж конечно, выставили ночную стражу: у ручья, у оврага, со стороны леса... Там, где легче всего подобраться. В ночной дозор парни вызвались крепкие, опытные – Златомир, Велебуд, Вячко... Этих учить не надо – научены давно.

Тишина повисла над лесом. Лишь слышно было, как шумел дождь. Не отсырели бы тетивы – хоть и смазаны салом да конопляным маслом, вощенной бумагой промотаны, а все же...

Не спалось Михайле – ворочался у себя в шалаше, погла-

живал самострел по ложу...

– Господин сотник, – кто-то подполз с докладом... Велебуд. – Там ветка шевельнулась... А ветра нет!

– Ты как заметил?

– Светает уже...

– Всех будить! Быть готовыми.

Казалось, напряжение достигло предела. Все ждали нападения... И все же оно случилось внезапно!

Светало. Дождь кончился, небо над дальним лесом заалело зарею. Скоро пора было «просыпаться», выходить – долгий сон выглядел бы весьма подозрительно.

Урядник Дарен высунулся из шалаша... И тут же отпрянул, едва не напоровшись на нож!

Да ведь и напоролся бы, кабы не кольчуга – острое лезвие скользнуло по железным кольцам!

– Тревога!

Тут же запел боевой рог!

Отроки выскочили наружу... Уже были готовы, уже не надо было никому ничего объяснять. Каждый точно знал, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.